

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

НОЧЬ БЕЗ АЛИБИ

Ты знаешь
слишком много

18+

Марк Вельский

Ночь без алиби

<https://litres.ru/74674307>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ночь без алиби» — криминальный любовный триллер о страсти, изменах, ревности и цене молчания.

Шестеро состоятельных друзей собираются на выходные в загородном доме под Петербургом. На первый взгляд — счастливые супруги, успешные партнёры, люди, которым нечего скрывать.

Но каждый из них приехал со своей тайной. Одни изменяют. Другие распоряжаются чужими деньгами. Третьи готовы на всё, чтобы правда не вышла наружу.

Ночью одну из женщин находят мёртвой у лестницы.

Теперь пятерым оставшимся предстоит объяснить полиции, где они были в последние часы её жизни. Проблема в том, что почти каждое алиби разрушит чей-то брак, а за любовными связями скрывается финансовая афера.

Валерия пытается разобраться в смерти подруги и одновременно решить, кому из близких можно верить. Чем больше тайн раскрывается, тем опаснее становится правда.

Содержание

Пролог. Тринадцатая ступень	4
Глава 1. Шесть приборов	7
Глава 2. Ночной дом	27
Глава 3. Пять версий	45
Глава 4. Письмо в 01:26	64
Глава 5. Два удара	79
Глава 6. Маршрут Глеба	93
Глава 7. Цена подписи	111
Глава 8. Две минуты тишины	126
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Марк Вельский

Ночь без алиби

Пролог. Тринадцатая ступень

Воскресенье, 22 ноября 2026 года. 03:14.

Валерия сначала увидела туфлю.

Чёрную, с тонким ремешком вокруг щиколотки. Она лежала на боку под лестницей, ведущей из зимнего сада на верхнюю галерею. В доме было достаточно темно, чтобы принять её за сложенный предмет одежды, но золотистая пряжка поймала свет настенного бра.

Валерия остановилась. На ней были чужие мужские носки, натянутые поверх босых ног. Она взяла их с кресла в гостевой спальне, не подумав, что по размеру они ей велики. При каждом шаге пятка съезжала под ступню, и теперь Валерия чувствовала это особенно отчётливо.

— Инга?

За стеклянной стеной зимнего сада шевелились сосны. Ночной ветер гнал с Финского залива мокрый снег. Днём хозяин дома хвастался, что здесь можно зимой пить кофе среди пальм. Сейчас пальмы походили на людей, которые стояли и не решались вмешаться.

За нижней ступенью белела рука.

Валерия сделала два шага, ещё не понимая, почему ей нельзя сделать третий. Инга Ордынцева лежала боком, одной щекой на плитке, другой к лестнице. Светлые волосы рассыпались по полу. Подол платья задрался выше колена. Левая рука была вытянута к двери, словно до последнего она пыталась за неё ухватиться.

— Инга, вставай.

Фраза получилась такой глупой, что Валерия потом неоднократно возвращалась к ней мысленно. «Вставай». Как будто женщина могла заснуть посреди холодного зимнего сада и не проснуться лишь потому, что ей не понравился голос.

Валерия опустилась рядом. На внутренней стороне запястья Инги виднелась тонкая царапина, ещё свежая. Левый рукав платья разошёлся по шву. Валерия положила два пальца ей на шею, но они так дрожали, что она не могла быть уверена, чувствует ли что-нибудь.

Сзади скрипнула дверь.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мужчина.

Она узнала голос, но не обернулась.

— Звони в скорую.

— Что?

— ЗВОНИ.

Шаги резко приблизились, затем остановились. Мужчина что-то произнёс, кажется, имя Инги. Валерия не расслышала. Она смотрела на плитку у основания лестницы, где лежала узкая бронзовая пластинка. Такие ставят на дорогие две-

ри, чтобы они не ударились о стену. Пластинка была отделена от чего-то большего: из одного отверстия торчал погнутый винт.

Тогда ей показалось, что она просто замечает бесполезные детали от ужаса. Позже следователь спросит о пластинке три раза.

Телефон за спиной не сразу соединился с диспетчером.

— Адрес? — громко повторил мужчина.

Валерия назвала улицу и номер дома. Он повторил адрес в трубку, перепутал корпус, выругался и начал сначала.

На часах над раздвижной дверью было 03:16.

Валерия почему-то подумала, что несколько часов назад в этом доме было шестеро живых людей. Теперь осталось пятеро.

И четверо из них не могли сказать правду о том, где провели ночь.

Глава 1. Шесть приборов

Суббота, 21 ноября. 18:42.

Первым признаком того, что вечер закончится плохо, Валерия сочла отсутствие цветов.

Артём всегда покупал цветы, когда собирался что-нибудь скрыть. За двенадцать лет брака она научилась отличать извинения по стоимости букета. Белые пионы означали небольшую ложь. Орхидеи — ложь, к которой готовились заранее. Однажды он привёз ей огромные красные розы после того, как заложил их московскую квартиру ради проекта, о котором три месяца не рассказывал. Цветы тогда простояли дольше, чем банковское доверие.

На этот раз Артём встречал гостей с пустыми руками.

— Ты могла бы переодеться? — сказал он вместо приветствия.

— Я уже переделалась.

— Я про то серое платье.

— Оно мне не нравится.

— Ты сама его выбрала.

— Именно поэтому у меня было время передумать.

Валерия сняла серьгу и убрала её в карман. Она стояла у окна прихожей и смотрела, как за воротами останавливается тёмный внедорожник. В сумерках отражение собственного лица было отчётливее сосен снаружи. Тридцать восемь

лет, аккуратно собранные волосы, привычка приподнимать левую бровь, когда разговор не имеет смысла. В знакомых чертах ей вдруг стало трудно найти ту девушку, которая когда-то решила, что главное в любви — не бояться скуки.

— Это уже Рудневы? — спросила она.

— Да. Глеб с Ингой будут позже. У них встреча.

Артём говорил быстро, проверяя сообщения. На экране мелькнула фотография женщины. Валерия успела заметить только светлый рукав и одну строчку: «Не начинай без меня». Она знала, кто это написал. Даже если бы экран был повернут другой стороной.

— Ты можешь хотя бы сегодня не работать?

— Мы и собираемся ради работы.

— Ты говорил — ради годовщины.

— Валерия, десять лет совместному проекту. Не браку.

Он не повысил голос, но последняя фраза прозвучала так, словно поправить её было важнее, чем пожалеть.

Ворота разошлись в стороны. Максим Руднев первым вышел из машины и, наклонившись, помог жене выбраться из салона. Яна была в длинном песочном пальто, без шапки. Мокрый снег сразу прилип к тёмным волосам. Она рассмеялась, увидев, как ветер сорвал с Максима шарф.

Валерия на секунду ощутила зависть. Они выглядели как счастливые супруги, хотя она знала, как мало общего у этого впечатления с действительностью.

— Пойду встречу, — сказал Артём.

— Я сама.

Она открыла дверь прежде, чем он успел возразить.

В доме «Белая сосна» всегда было слишком тепло. Артём утверждал, что гости должны забывать о погоде ещё до того, как снимут верхнюю одежду. Он построил этот загородный дом в Репино не столько для жизни, сколько для впечатления: два этажа светлого камня, дубовая лестница без скрипа, гостиная с камином, в котором горели настоящие поленья, и зимний сад за стеклом. Картины для этих стен подбирала Валерия. Артём почти никогда на них не смотрел.

— Лера! — Яна обняла её крепко и немного дольше обычного. — Ты прекрасно выглядишь.

— А ты совершенно не одета по погоде.

— Мне дали ровно три минуты на сборы. Максим опять искал зарядку.

— Я её не искал. Я искал ту, которую ты потеряла, — поправил муж.

Максим передал хозяйке бутылку вина. На вид ему было около сорока, но у него оставалась мальчишеская привычка прятать улыбку, когда разговор грозил стать серьёзным. Как архитектор он строил частные дома и небольшие отели; как человек — редко доводил объяснения до конца.

— Артём сказал, вы всё-таки подписываете документы в понедельник? — спросила Яна, снимая перчатки.

Валерия посмотрела на мужа. Он стоял у шкафа для пальто и возился с мокрым зонтом, хотя ни с каким зонтом Мак-

сим и Яна не приезжали.

— Если нотариус не передумает, — ответил он.

— Нотариусы не передумывают из-за погоды, — заметил Максим.

— Наши могут, — сухо сказала Валерия.

Артём созвал их якобы отметить десятилетие компании «Северный берег». За этим названием стояли три небольших отеля, недостроенный комплекс у воды и несколько судебных споров, о которых супруги основателей предпочитали не говорить за столом. В понедельник они собирались подписать соглашение о распределении долей: после него Артём получал контроль над новым объектом, Глеб — деньги, Максим — подряд на проектирование, а Яна — контракт на продвижение. Валерии предложили руководить подбором искусства для интерьеров. Предложение выглядело щедро, если не считать того, что её мнения никто не спрашивал.

— Зоя Сергеевна приготовила ужин, — сказал Артём. — Потом поедет домой. К ночи останемся только мы.

— Романтично, — отозвалась Яна.

Валерия уловила, что Яна сказала это не мужу.

Они прошли в гостиную. Рядом с камином стояла низкая бронзовая фигурка рыбы с изогнутым хвостом. Её поставили у двери, чтобы тяжёлая створка не закрывалась от сквозняка. Валерия помнила эту вещь по старой квартире родителей Артёма. Антиквариатом она не была — просто тяжёлый предмет, который вечно мешался под ногами.

— Рыба ещё жива, — заметил Максим.

— На удивление, — ответила Валерия. — Пол дома поменяли, а её не выбросили.

— Артём сентиментален только к вещам, — произнёс Максим.

На секунду они встретились глазами. У Максима чуть дрогнула улыбка. Он отвёл взгляд первым.

— Я слышала, — вмешалась Яна, — что у вас здесь новый винный шкаф. Можно мне посмотреть?

— В столовой. Заодно спасёшь нас от разговоров о строительстве.

Пока они шли вдоль длинного коридора, Яна слегка придерживала Валерию за локоть.

— Всё нормально?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты отвечаешь как человек, у которого готово заявление на развод.

Валерия усмехнулась.

— У меня просто день не задался.

— День почти закончился.

— Вот это и пугает.

Яна сжала её руку — сочувственно, без навязчивости. Валерия не раз замечала за ней этот талант: в нужный момент Яна умела казаться единственным человеком, которому действительно не всё равно. Она сделала на этом карьеру в связях с общественностью. И, возможно, не только карьеру.

В 19:26 приехали Ордынцевы.

Глеб вошёл первым, громко объявив, что голоден и не готов обсуждать деньги до первого бокала. Он был чуть старше Артёма, с тщательно подстриженной бородой и неприятной привычкой считать любое молчание знаком согласия. Инга появилась в дверях за его плечом.

В ней не было ничего вызывающего: чёрное платье, тонкая цепочка, волосы собраны низко на затылке. Но она умела входить в комнату так, что люди начинали следить за ней, даже когда не хотели.

— Извините, задержалась, — сказала Инга. — С клиентом разговаривала.

— В субботу вечером? — спросила Валерия.

— Некоторые вещи удобнее выяснять до понедельника.

Артём взял её пальто слишком быстро. Валерия отметила это с той бесстрастной ясностью, которая приходит после долгих месяцев подозрений. Между их пальцами произошло короткое касание. Со стороны — случайное. Для Валерии — знакомое.

— Вино откроем? — предложил Глеб.

Инга посмотрела на него.

— Для начала хотя бы поужинаем.

— Я так и сказал.

Он даже не заметил, что жена ему возразила.

В столовой было накрыто на шесть персон. На каждой тарелке лежала карточка с именем — шутка Артёма, считав-

шего себя хорошим организатором. Валерия прочитала карточки и почти рассмеялась: муж рассадил их парами.

Артём и Валерия. Глеб и Инга. Максим и Яна.

Самые ненадёжные сочетания в этом доме выглядели самым естественным образом.

— Я ненавижу такие таблички, — сказала Инга, убирая свою. — Будто кто-то заранее решил, с кем я должна провести вечер.

— Можем поменяться, — предложила Яна.

— Не стоит. Сегодня и так придётся многое менять.

— В каком смысле? — уточнил Глеб.

Инга сняла часы и положила их рядом с бокалом.

— В самом прямом.

Тогда никто не стал переспрашивать. Это было их первое общее решение за вечер.

* * *

21:08.

Сначала они говорили о безобидном.

Максим рассказывал про заказчика, который потребовал перенести несущую стену «сантиметров на сорок, чтобы энергия проходила свободнее». Яна смеялась громче остальных, хотя историю слышала уже трижды. Глеб спорил с Артёмом о стоимости нового причала. Валерия осторожно срезала ножом тонкую корку с рыбы и думала о том, что если ей удастся пережить ещё два часа, можно сослаться на головную боль и уйти наверх.

Инга почти не ела.

— Ты вегетарианкой стала? — спросил Глеб, заметив её тарелку.

— Нет.

— Тогда почему не ешь?

— Потому что ты успел спросить уже три раза.

За столом наступила короткая тишина. Глеб развёл руками, демонстрируя, что не понимает женской логики. Яна немедленно спросила, кто делал соус, и тема изменилась. Но Валерия видела, что Инга ждёт момента, когда мужчины перестанут шутить.

Это произошло после второго бокала.

— Понедельничный пакет я не согласую, — сказала Инга.

Артём поставил вилку.

— Что именно?

— Дополнительные соглашения по «Мысу». В таком виде. Глеб даже не сразу повернулся к жене.

— Мы ведь это обсуждали.

— Мы обсуждали проект. Не документы, которые мне передали вчера.

— Если есть вопросы, давай утром, — предложил Артём.

— Утром будет поздно. Поэтому я сказала сейчас.

Инга говорила спокойно. По профессии она была юристом и привыкла не повышать голос даже тогда, когда от её решения зависели большие деньги. Иногда именно это спокойствие раздражало сильнее любого скандала.

— Какие у тебя претензии? — спросил Глеб.

— В приложениях есть платежи за мероприятия, которых не было. По двум подрядчикам суммы не совпадают с первичными документами. Часть актов подписана задним числом.

Яна подняла голову.

— Ты про рекламный контракт?

— В том числе.

— Моя компания отчиталась по каждому мероприятию. У тебя же есть папка.

— Папка есть. Мне нужны подтверждения, что всё, за что заплатили, действительно было сделано.

Максим посмотрел на Яну. Её лицо оставалось спокойным, но пальцы лежали на ножке бокала слишком напряжённо.

— Девочки, — начал Глеб, — давайте без этого тона.

— Не называй меня девочкой, — сказала Инга.

— Я не тебя лично.

— А кого?

Он хотел ответить, но передумал.

Валерия вспомнила утренний разговор с Артёмом. Он уверял, что договор готов, что Инга его уже видела и что любые вопросы — формальность. Теперь выяснялось, что по крайней мере одна из этих вещей была неправдой.

— И сколько там не сходится? — спросил Максим.

— Я пока не говорю о пропаже денег, — ответила Инга.

— Я говорю о документах, которыми хотят подтвердить расходы. Это разные вещи.

— Отлично, — сказал Артём. — Значит, разберёмся. Не стоит превращать ужин в заседание комиссии.

— Я и не собиралась.

— Тогда оставим это на понедельник.

— В понедельник я передам письменные замечания. И не стану их убирать ради удобства участников сделки.

Глеб откинулся на спинку кресла.

— Ты хочешь сорвать нам подписание?

— Я хочу, чтобы в моём заключении не было лжи.

Слово прозвучало негромко, но задело каждого.

За стеклом повалил мокрый снег. На секунду окна превратились в непрозрачные серые зеркала. Валерия увидела в них шесть фигур за столом. Каждый человек смотрел куда-то мимо того, с кем приехал.

— А теперь десерт? — спросила Яна.

И это было настолько неуместно, что все засмеялись — кроме Инги.

Позже Валерия несколько раз вспоминала эту минуту. Не как угрозу и не как предупреждение. Просто как момент, когда ещё можно было встать из-за стола, взять пальто и разъехаться по домам.

Но никто не уехал.

* * *

В 22:11 Зоя Сергеевна закрыла последнюю посудомоеч-

ную машину и попросила хозяйку проверить, не нужно ли ещё чего-нибудь.

Зоя Сергеевна работала у Левицких восемь лет. Когда они только поселились в доме, она приходила дважды в неделю, а теперь следила за хозяйством почти ежедневно. У неё было редкое свойство замечать беспорядок не там, где он виден, а там, где его стараются спрятать.

— Завтрак я подготовила, — сказала она. — Яйца внизу. Булочки в шкафу. Кофе Артёму Андреевичу положила отдельно.

— Спасибо. Водителя вызвать?

— Сын заберёт. Он уже у ворот.

Валерия проводила её до служебного входа. Отсюда был виден коридор, который вёл к зимнему саду. В конце коридора стояла та самая бронзовая рыба. Обычно её оставляли у створки двери между садом и гостиной, но сегодня кто-то переставил к двери кладовой. Валерия машинально отодвинула фигурку ногой, чтобы Зоя Сергеевна не задела её сумкой.

— Не оставляйте эту тяжесть посреди прохода, — заметила экономка. — Ночью споткнутся.

— Скажу Артёму.

— Скажете, — повторила женщина с сомнением.

У машины Зоя Сергеевна задержалась.

— Валерия Михайловна, а у вас всё хорошо?

— Конечно.

— Просто ужин какой-то тихий.

— Слишком взрослые люди. Уже не умеем веселиться.

Экономка не улыбнулась.

— Иногда это к лучшему.

В 22:15 машина её сына выехала за ворота. Камера охраны отмечала номера автомобилей, но внутри дома видеонаблюдения не было. Артём считал камеры в жилых комнатах оскорблением гостеприимства. Пять лет назад Валерия даже благодарила его за это решение.

Теперь она вдруг пожалела, что ничего не записывается.

* * *

К половине двенадцатого мужчины всё-таки нашли способ снова говорить о работе.

Глеб и Артём ушли в кабинет, оставив на журнальном столике раскрытую папку с расчётами. Валерия попросила их закрыть дверь: оттуда доносился спор, в котором уже появилось слово «ответственность». Максим остался в гостиной, сидел на полу возле камина и по привычке зарисовывал на салфетке какие-то линии. Яна отвечала на сообщения в телефоне. Инга стояла у окна с чашкой чая.

— Ты действительно готова остановить сделку? — спросила Валерия.

Инга обернулась.

— Готова не подписывать то, чего не проверила.

— Это ведь может стоить им бизнеса.

— Если один вопрос к документам может уничтожить

бизнес, значит, с ним уже что-то не так.

Валерии понравился ответ. Она неожиданно рассердилась на себя за это.

— Артём злится.

— Я заметила.

— Он очень плохо переносит, когда ему отказывают.

— Ты говоришь как человек, который давно перестал ему отказывать.

Слова были произнесены без злобы, но попали в больное место.

— Не тебе судить мой брак, — ответила Валерия.

Инга кивнула.

— Да. Извини.

Валерия ожидала возражения и потому растерялась. Инга отставила чашку.

— Я не хотела тебя задеть.

— Тогда не надо.

— Хорошо.

Немного помолчав, Инга добавила:

— Бывают решения, после которых не получается сделать вид, что ничего не произошло.

— Это ты о договоре?

— Не только.

Валерия почувствовала, как у неё холодеют пальцы. Она давно ждала от этой женщины прямого признания и одновременно боялась его.

— Что ты пытаешься мне сказать?

Инга посмотрела на тёмное окно. В отражении за её спиной стоял Максим. Он успел подняться с ковра, но, заметив их, сделал вид, что изучает книжную полку.

— Ничего, — сказала Инга. — Сегодня не тот вечер.

Валерия хотела ответить резко, но в этот момент в коридоре раздался смех Яны. Артём вышел из кабинета, держа в руке пустой стакан. Увидев Ингу, он остановился на долю секунды.

Инга отвела взгляд первой.

Валерия поняла, что если останется с ними в одной комнате ещё десять минут, то задаст вопрос, на который никто не хочет отвечать.

Она поднялась на второй этаж.

В комнате было прохладно. Окно выходило не на залив, а на сад, где под снегом угадывались дорожки. Валерия достала телефон и открыла переписку с Максимом.

Последнее сообщение пришло два дня назад.

«Мне надоело быть человеком, с которым тебе хорошо только после ссор с мужем».

Она тогда ничего не ответила. Сейчас набрала: «Ты ещё в гостиной?»

Сообщение ушло в 23:38.

Ответ появился почти сразу.

«Нет. Я на лестнице».

Валерия смотрела на эти слова, пока не услышала осто-

рожный стук в дверь.

* * *

Суббота, 21 ноября. 23:39.

Валерия не спросила, кто там.

Она знала, кто. Остальные стучали иначе: Артём — двумя короткими ударами, словно предупреждал подчинённого о своём появлении; Яна царапала дверь ногтем, считая это смешным; Инга всегда сначала называла себя. Максим коснулся дерева один раз — осторожно, почти беззвучно.

— Открыто, — сказала Валерия.

Он вошёл и сразу закрыл дверь за спиной, но не повернул замок.

— Я не вовремя?

— Когда ты приходил вовремя?

Максим посмотрел на телефон в её руке. Наверняка видел собственное сообщение и пожалел, что написал его именно так. Валерия не хотела помогать ему подбирать слова.

— Внизу Яна, — сказала она.

— Она ушла в кабинет к Глебу. Там спорят из-за рекламы.

— А твоя жена знает, что ты сейчас здесь?

— Нет.

Он ответил слишком быстро, как отвечают люди, которым надоело оправдываться и которые всё равно продолжают лгать.

Валерия отошла к окну. Отсюда были видны только чёрные сосны и свет фонаря у боковой калитки. За стеклом снег

уже не падал — летел почти горизонтально. На тёмном стекле отражались два человека, стоявшие достаточно близко, чтобы их можно было принять за пару.

— Я прочитала твоё сообщение в четверг, — произнесла она. — Просто не знала, что ответить.

— Ты могла написать «оставь меня в покое».

— Ты бы оставил?

— Не знаю.

Она повернулась. В этой честности было что-то обидное: Максим легко признавал собственную слабость, а последствия его признаний обычно доставались другим.

Их связь началась восемь месяцев назад. Не в гостинице, не в какой-нибудь деловой поездке, которую потом можно было вспоминать как опасное приключение. В обычной московской квартире, где Валерия помогала подобрать освещение для проекта Максима. Он принёс две чашки кофе, она сказала, что ей холодно, и он накинул ей на плечи свитер. Потом они полчаса делали вид, что ничего особенного не произошло. Именно эти полчаса Валерия помнила лучше первого поцелуя.

— Я больше не хочу быть твоим перерывом между семейными ужинами, — сказал Максим.

— А я не хочу быть женщиной, из-за которой ты разрушишь свою семью и потом возненавидишь меня.

— Это удобно. Получается, решение всё время принимаешь за меня.

— Нет, Максим. Решения мы оба принимаем. Только всегда так, чтобы никому ничего не пришлось менять.

Он шагнул к ней. Она не отступила, но подняла руку, не позволяя себя обнять.

— Сначала ответь. Ты любишь Яну?

Максим вздохнул.

— Я люблю человека, которым она была. Иногда мне кажется, что она тоже его ищет.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Валерия опустила руку. Он коснулся её щеки, словно спрашивал разрешения. Она сама придвинулась ближе. Никакой внезапности не было: именно к этому они шли с того момента, когда Максим поднялся по лестнице.

И всё же поцелуй заставил её рассердиться. На себя. На него. На тот короткий миг, в котором оказалось так легко забыть, кто спит за соседней дверью и кто стоит внизу у камина.

— Нам надо остановиться, — прошептала она.

— Да.

Но они не остановились.

* * *

Через некоторое время Валерия лежала рядом с ним и смотрела на потолок. На паркете у кресла валялась мужская рубашка. Часы Максима светились слабо и ровно: 00:17.

В этом доме они впервые позволили себе провести ночь

под одной крышей с супругами. Раньше Валерия считала это границей, которую не перейдёт никогда. Теперь граница лежала где-то позади, а ей даже не было известно, в какую минуту они её переступили.

Максим провёл пальцем по старому шраму возле её локтя.

— Ты всё-таки собираешься уйти от Артёма?

— Собираюсь перестать жить по его расписанию. Это не совсем одно и то же.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Тогда объясни.

Валерия села, подтянув покрывало к груди.

— Я была рядом, когда он начинал с одного объекта и кредитов, которых боялся больше меня потерять. Всё, что здесь есть, он считает своим. Даже мои картины. Даже мои друзья.

— Даже ты?

— Особенно я.

Максим некоторое время молчал. Потом потянулся за телефоном: экран вспыхнул у его бедра.

— Яна? — спросила Валерия.

— Да. «Где ты?»

— Напиши правду.

Он посмотрел на неё, не понимая, шутит ли она.

— Мне надо спуститься.

— Конечно.

— Не делай так.

— Как?

— Будто я один здесь трус.

Валерия хотела сказать что-нибудь жестокое. Вместо этого подняла с пола рубашку и протянула ему.

Пока он одевался, они не разговаривали. На кресле возле двери лежала пара толстых тёмно-синих носков, оставленная кем-то из гостей. Валерия заметила их ещё вечером, когда заходила проверить комнату, и собиралась попросить Зою Сергеевну убрать. Теперь ей не хотелось даже выяснять, чьи они.

— Я позвоню тебе завтра, — сказал Максим.

— Завтра мы ещё будем за одним столом.

— Тогда в понедельник.

— В понедельник вы будете подписывать документы.

— Теперь уже не уверен.

Он задержался у двери.

— Лера, эта история с «Мысом» серьезнее, чем Артём показывает.

— Ты знаешь что-то конкретное?

— Пока нет. Но Инга не стала бы рисковать всем из-за пары неправильно оформленных счетов.

— Каким всем?

Максим посмотрел на неё слишком долго.

— Я не про деньги, — ответил он и вышел.

Валерия осталась одна. Из коридора доносились шаги, по-

том хлопнула дверь в дальнем крыле. Внизу кто-то засмеялся — один короткий, неприятно трезвый смешок.

Она подошла к зеркалу и поправила волосы. Отражение ничем не отличалось от того, которое она видела перед ужином, разве что лицо порозовело. Валерия удивилась, как мало требуется, чтобы выдать себя, и как многое можно скрыть за обычной причёской.

На телефоне возникло сообщение от Артёма.

«Ты где?»

Она напечатала: «У себя».

Пальцы зависли над экраном. Комната, в которой она стояла, не была их общей спальней. В общей спальне Артём давно спал один, уверяя, что ему мешает её привычка читать при свете.

Валерия всё-таки отправила ответ.

В 00:29 муж написал: «Инга хочет поговорить. Ты её видела?»

Она прочла вопрос дважды. Ей не понравилось, что Артём спрашивает о другой женщине именно у неё.

«Нет», — ответила Валерия.

И впервые за этот вечер не смогла решить, солгала ли.

Глава 2. Ночной дом

Воскресенье, 22 ноября. 00:36.

Яна знала, как выглядит страх на чужом лице, и плохо переносила его на собственном.

В гостиной никого не было. Камень камина остывал, недопитые бокалы стояли на столе, салфетка с рисунком Максима сползла на пол. Яна подняла её и увидела план какого-то небольшого дома: два входа, длинный коридор, лестница на втором уровне. Даже отдыхая, её муж рисовал пути, по которым можно выйти.

В 00:33 Максим наконец ответил на звонок. Сказал, что ходил за зарядкой, а теперь возвращается. В его голосе была та мягкая усталость, которая появлялась после секса. Яна различала её безошибочно и ненавидела себя за это умение.

Она не хотела знать имя другой женщины. По крайней мере, не сегодня.

— Ты одна? — спросил Глеб, остановившись на пороге.

— Как видишь.

— Инга пошла за телефоном. Артём у себя.

— А Валерия?

— Наверху.

Яна подошла к нему, но не позволила себя коснуться.

— Ты сказал, что Инга ничего не найдёт.

— Я сказал, что в понедельник мы закроем сделку.

— Это разные вещи.

Глеб осмотрел пустую гостиную.

— Не здесь.

Они прошли в небольшую библиотеку рядом с лестницей. Дверь не запиралась, но плотные шторы скрывали помещение от коридора. В нём пахло кожаными переплётами и сухим деревом. Глеб включил настольную лампу.

Когда-то их роман начался с переписки о несуществующем рекламном мероприятии. Тогда они не знали, что позднее именно такие мероприятия станут предметом проверки. Яна могла назвать дату первого поцелуя, место первого завтрака, марку вина, которое Глеб принёс к ней домой, пока Максим был в командировке. Но она не помнила, в какой момент деньги появились между ними как третий человек.

— Сколько она увидела? — спросила Яна.

— Больше, чем должна была.

— Глеб.

— Акты, приложения, переписку с подрядчиками. Не всё.

— «Не всё» — это сколько?

Он положил телефон на стол экраном вниз.

— Четыре с небольшим миллиона. Она видит расход, но не понимает назначения.

— А какое у него назначение?

— Обеспечить проект ликвидностью на этапе сделки.

Яна рассмеялась тихо и зло.

— Ты даже со мной говоришь бухгалтерским языком.

— Тебе не нравились деньги, когда мы ими распоряжались?

— Мне нравилось, что мы делаем свою работу. А потом ты начал присылать акты на мероприятия, которых не было. Если ты считаешь, что я должна быть благодарна за это, ты ошибся.

— Ты их подписала.

— По твоей просьбе.

— И получала деньги на счёт компании.

Она отвернулась. Именно этого Яна боялась больше всего: Глеб всегда оставлял себе возможность произнести правду таким тоном, будто это полностью освобождало его от ответственности.

В первом квартале агентство Яны действительно организовывало рекламу будущего комплекса «Мыс». Были съёмки, согласования, пресс-показы. Потом объём работ уменьшился, зато акты стали толще. Глеб объяснял: подрядчикам надо платить, иначе банк не закроет финансирование. Яна понимала, что дело нечисто, но ей казалось, что ещё один месяц можно потерпеть и потом выйти из проекта. Эти месяцы складывались в год.

— Инга не просто остановит подписание, — сказала она.

— Она вынесет это наружу.

— Пока она ничего не вынесла.

— Ты не слышал её за столом? Она уже приняла решение.

Глеб потёр переносицу.

— До утра никто ничего делать не будет. Я поговорю с ней.

— Как муж или как партнёр?

— Как человек, который знает, чем её напугать.

Яна подняла взгляд.

— Не говори так.

— Я имею в виду последствия для компании.

— Конечно. Только последствия.

Он подошёл ближе и положил ладони на её плечи. Яна не оттолкнула его. Ей хотелось, чтобы хотя бы на минуту он был тем человеком, ради которого она когда-то согласилась жить двойной жизнью, а не партнёром по чужой бухгалтерии.

— Я решу вопрос, — сказал Глеб.

— Ты всё время это говоришь.

— Потому что решаю.

Она подняла лицо. Он поцеловал её; сперва привычно, уверенно, потом с той настойчивостью, которая раньше заставляла её забыть обо всём остальном. Яна ответила, но сама прервала поцелуй.

— Не сейчас.

— Ты боишься Инги?

— Я боюсь человека, которому ты когда-нибудь скажешь обо мне то же самое, что сегодня сказал о собственной жене.

Глеб отступил. На несколько секунд он выглядел старше и усталее, чем обычно.

— Ты хочешь всё закончить?

— Я хочу выбраться из этой истории, пока ещё могу сказать правду.

— Ты и есть часть этой истории.

Он выключил лампу и ушёл первым.

* * *

В 01:02 Яна вернулась к камину. Максим сидел там, где оставил свой рисунок. Она заметила, что он передел рубашку — утром на нём была голубая, теперь тёмная. Может быть, это ничего не значило. Ей не хотелось становиться женщиной, которая помнит оттенок каждой мужской рубашки.

— Нашёл зарядку? — спросила она.

— Да.

— Покажи.

Максим посмотрел на неё, потом на пустую розетку за диваном.

— Ты сейчас серьёзно?

— Не особенно.

Яна села рядом. Когда-то они могли провести всю ночь разговаривая. Теперь любой вопрос начинал звучать как проверка.

— Инга испортит им подписание, — произнёс он.

— Может быть.

— И тебе тоже.

— Чем именно?

— Не знаю. Ты сегодня весь вечер нервничаешь из-за до-

кументов.

Яна хотела сказать, что у него самого нет права требовать объяснений. Вместо этого спросила:

— Ты когда-нибудь представлял, что мы можем просто уйти? Не друг от друга. От всего этого. От компаний, соглашений, чужих денег.

— В последнее время часто.

— И что мешает?

— То, что некоторые решения уже приняты.

Он произнёс это спокойно. Яна почувствовала, как её собственные слова из библиотеки возвращаются к ней чужим голосом.

Телефон завибрировал у неё на коленях. Сообщение от Инги: «У тебя сохранились оригиналы мартовских отчётов? Не исправленные файлы, а те, что отправляли подрядчики».

Яна закрыла уведомление.

— Кто? — спросил Максим.

— Работа.

— В час ночи?

— Некоторым людям не спится.

Она подошла к окну, чтобы муж не видел экран, и ответила Инге: «Часть. Завтра покажу».

Ответ появился почти сразу:

«Завтра может быть поздно. Я должна понять, кто подписывал эти акты».

Яна прочла сообщение, ощущая холод в позвоночнике.

Она хотела позвонить Инге и сказать всё: что Глеб просил провести через её агентство лишние суммы, что первый год она не задавала вопросов, что потом стало страшно выходить. Но для признания нужны не только слова. Нужен человек, которым ты согласен стать после них.

Яна выключила телефон.

В отражении окна она увидела Максима: он следил за ней с дивана и не делал вида, что занят чем-то другим.

— Между нами кто-то есть? — вдруг спросил он.

В другой день она могла бы обидеться. Сегодня только устала.

— Ты правда хочешь знать?

Максим медленно кивнул.

— Тогда сначала расскажи, где ты был последние сорок минут.

Они молчали так долго, что сквозь стену стали слышны шаги на верхней галерее.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 01:19.

Инга разложила бумаги на письменном столе гостевой комнаты и поняла, что Глеб не заметил исчезновения самого важного листа.

Это было похоже на него. Он любил крупные суммы, крупные слова и людей, которые умели произносить их от его имени. Небольшие примечания в приложениях оставались для него чем-то несущественным.

На листе стояла дата 12 марта, хотя подрядчик прислал исходный файл только 18-го. Подпись Яны размещалась на отсканированной странице, а имя ответственного исполнителя отсутствовало. Но главное было не это. Один и тот же акт закрывал две разные услуги, причём по разным компаниям. Деньги за оба перечисления уходили дальше, на счёт организации, о которой Инга до вчерашнего дня не слышала.

Она ещё не знала, была ли это кража, попытка скрыть убытки или неприятная, но исправимая бухгалтерская схема. Хороший юрист отличается от плохого тем, что не принимает первое подозрение за доказанный факт. Однако подписывать документы, пока всё это не объяснят, Инга не собиралась.

Её собственная подпись стояла на заключении к сделке. Если бы соглашение по «Мысу» закрыли в понедельник, именно это заключение положили бы в папку для банка. А через полгода, когда кто-нибудь обнаружил бы расхождения, Глеб первым сказал бы: «Она всё проверила».

Инга открыла ноутбук и прикрепila три файла к письму знакомому адвокату из другой компании — Оксане Платоновой, с которой иногда консультировалась по корпоративным вопросам. В теме написала: «На независимую проверку. Не отправлять дальше без моего согласия». Поставила отложенную отправку на восемь утра.

Потом посмотрела на письмо ещё раз и сняла отложенную отправку.

Оно ушло в 01:26.

Она испытала облегчение, которому не доверяла. Иногда поступить правильно оказывается проще, чем потом выдержать реакцию близких.

В дверь постучали дважды.

— Инга, открой.

Артём.

Она закрыла ноутбук, убрала один лист в тонкую кожаную папку и только после этого повернула ручку.

Он вошёл с бокалом воды. Ничего не сказал, поставил бокал на край стола. На нём были мягкие домашние брюки и белая рубашка с закатанными рукавами. Без пиджака и часов он казался не хозяином огромного дома, а человеком, которому некуда спешить.

Раньше Инге нравилось видеть его таким. Она давно перестала считать это преимуществом.

— Ты писала Валерии? — спросил Артём.

— Нет.

— Я думал, вы разговаривали.

— Разговаривали. До полуночи.

Он посмотрел на бумаги.

— Это всё из-за договора?

— Ты знаешь ответ.

— Я знаю, что ты превращаешь рабочий вопрос в публичную казнь.

— Если он рабочий, дай мне первичные документы.

Артём опустил­ся в кресло. Некоторое время смотрел на свои руки.

— В понедельник деньги будут на счёте. Мы закроем все промежуточные обязательства. То, что выглядит странно, перестанет выглядеть странно.

— Деньги, которые появятся в понедельник, не меняют подписи, поставленные в марте.

— Ты говоришь как прокурор.

— Я говорю как человек, которого ты просил проверить сделку.

Он поднялся, подошёл ближе.

— Инга, мы можем решить это между собой.

Она отступила на полшага.

— Вот именно этого я больше не хочу.

Между ними почти год существовал язык, который они не использовали при остальных. Он состоял из коротких сообщений, встреч после работы, неуместной нежности и долгих пауз, в течение которых каждый ожидал решения от другого. Для Артёма это была возможность на время перестать быть мужем, руководителем и хозяином. Для Инги — сначала неожиданная любовь, а потом всё более уни­зительная надежда, что она не ошиблась в человеке.

— Лера что-то подозревает, — сказал Артём.

— Лера не глупая.

— Ты с ней говорила?

— Нет. И не собираюсь обсуждать её с тобой.

— Ты хочешь всё рассказать Глебу?

— Я хочу перестать лгать.

Артём горько усмехнулся.

— Разница невелика.

— Огромная.

Он коснулся её плеча. Инга не отпрянула сразу: привычка к прикосновению жила в теле дольше доверия. Но затем отстранилась.

— Пожалуйста, не надо.

— Я люблю тебя.

Она не ответила. Когда-то ей казалось, что эти три слова изменят всё. Теперь было видно, что они ничего не изменили.

— Если любишь, не проси меня подписывать ложь, — произнесла Инга.

Артём долго стоял неподвижно.

— Ты уже отправила документы кому-то ещё?

— Я сделала то, что должна была сделать как юрист.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Он вышел, не допив воду.

* * *

В 01:58 Инга спустилась на первый этаж. Ей не хотелось встречаться с Глебом, но оставаться в комнате было ещё хуже: после разговора с Артёмом она чувствовала, будто воздух там стал чужим.

У длинного коридора к зимнему саду горел лишь один светильник. Тяжёлая бронзовая рыба лежала у двери кладовой, куда её переставила Валерия. Инга подняла фигурку — удивилась весу — и поставила обратно на пол, ближе к стене. Так хотя бы никто не споткнётся.

Из кабинета доносились голоса. Она узнала Глеба и Яну.

— Не надо делать из меня идиотку, — тихо сказала Яна.

— Тише.

— Ты обещал решить вопрос.

— Я занимаюсь этим.

Инга остановилась. Не потому, что ей были интересны чужие секреты. Просто они говорили о том, что касалось её напрямую.

— Она уже разослала файлы, — произнесла Яна.

— Откуда ты знаешь?

— Она сама написала.

Инга невольно посмотрела на свой телефон. Экран был тёмным. Она не сообщала Яне об отправленном письме.

— Завтра мы узнаем, куда, — ответил Глеб.

Дверь кабинета открылась. Инга успела отойти к кухонной нише. Яна прошла мимо по коридору, не заметив её. Глеб остался у порога, потирая ладони.

— Не спится? — спросил он, увидев жену.

— Не очень.

— Ты испортила всем вечер.

— Я заметила.

— Ради нескольких бумаг.

— Ты действительно думаешь, что проблема в бумагах?

Он подошёл ближе.

— Я думаю, ты хочешь наказать меня за то, что между нами давно ничего нет.

Инга почувствовала короткую вспышку злости. Её муж угадал болезненное место, но не понял причины.

— Если бы я хотела тебя наказать, у нас был бы совсем другой разговор.

— Что это значит?

— Что мне известно больше, чем ты думаешь.

Он схватил её за предплечье, тут же разжал пальцы, оглянулся на лестницу.

— Не угрожай мне.

— Тогда не давай повода.

Она пошла к зимнему саду. За стеклом лежал мокрый снег, в больших кадках темнели пальмы. Здесь было прохладнее, чем в остальных комнатах, и дышалось легче.

На галерее наверху мелькнуло движение. Кто-то прошёл вдоль перил; по стёклам скользнула тень. Инга не стала поднимать голову. Ей надоело всё время угадывать, кто что скрывает.

В 02:11 она набрала в телефоне сообщение Валерии: «Мне нужно с тобой поговорить. Не о договоре».

Стёрла.

Написала снова: «Завтра расскажу тебе кое-что неприят-

ное. Прости, что не раньше».

Не отправила и это.

Она поднялась обратно в комнату. Кожаную папку с распечатками положила в сумку, а телефон оставила заряжаться на столе. Не потому, что хотела от чего-то избавиться. Просто на несколько минут ей нужно было побыть человеком, которому никто не звонит.

Когда Инга вышла, на экране остался открытым черновик сообщения Валерии.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 02:24.

Валерия проснулась от звука, который сперва приняла за собственное имя.

Кто-то разговаривал на лестнице. Мужской голос, негромкий и раздражённый. Второй голос отвечал так тихо, что слов разобрать было нельзя. Потом хлопнула дверь — не громко, но отчётливо, как хлопают старые двери в совершенно новых домах.

Она лежала в гостевой комнате одна. Максим ушёл почти два часа назад. Простыня уже остыла, но пахла его одеколоном, и Валерия неожиданно поняла, что теперь этот запах будет связан у неё не с близостью, а со страхом быть обнаруженной.

Она поискала ногами тапочки и не нашла. Вместо них наткнулась на мужские носки, оставленные на кресле. Толстая ткань оказалась мягкой, но пятки свисали вниз: на её ноги

они были велики. Валерия натянула их просто потому, что холодный пол не располагал к поискам.

Телефон показывал 02:25. От Артёма больше ничего не приходило. Последнее сообщение от Максима было отправлено в 00:23: «Я внизу». Валерия не ответила.

Она приоткрыла дверь и прислушалась.

В дальнем конце коридора загорелся свет. Через секунду послышался голос Яны:

— Мне надоело, что ты решаешь за всех.

Потом мужской ответ. Слишком глухой, чтобы узнать, кому он принадлежит.

Валерия закрыла дверь.

Она не знала, сколько в этом доме чужих тайн, но уже догадывалась, что их гораздо больше, чем шесть. У каждого была официальная версия собственной жизни — супруг, работа, обязанности, планы. И была другая, которую приходилось носить внутри, как вторую одежду.

Она снова легла. Уснуть не удалось.

* * *

В 02:43 её разбудил короткий металлический звон.

Валерия не сразу поняла, откуда он донёсся. Может быть, со стороны зимнего сада, где большие стеклянные двери подрагивали от ветра. Может быть, из кухни, куда кто-нибудь зашёл за водой. Через несколько секунд прозвучал глухой удар, и дом снова замолчал.

Она села, задержав дыхание.

Первая мысль была о Глебе: он мог уронить что-нибудь, выпив больше остальных. Вторая — об Артёме и его привычке ходить по дому, не включая свет. Третья оказалась самой неприятной: никто не зовёт на помощь.

Валерия подошла к двери и приоткрыла её. Лестничная площадка была пуста. Где-то внизу тихо работала вентиляция.

— Эй? — позвала она.

Ответа не последовало.

Она знала, что должна спуститься и посмотреть. Но представляла, как столкнётся на лестнице с Яной, Глебом или собственным мужем, как придётся объяснять, почему она без обуви выходит из гостевой спальни в три часа ночи. Стыд вдруг оказался сильнее любопытства.

Валерия закрыла дверь.

Позже это решение станет одним из тех воспоминаний, от которых невозможно защититься разумными доводами.

* * *

В 02:58 кто-то быстро прошёл по верхнему коридору.

Она не видела человека. Лишь услышала неровный ритм шагов: несколько быстрых, затем пауза, потом ещё три. Скрипнул замок или ручка; Валерия не могла определить.

Ей пришло в голову позвонить Артёму. Она открыла список контактов, но палец задержался над его именем. Что она скажет? «Я слышу шаги в твоём доме»? Он спросит, почему она не спит. Она знала, как будет выглядеть этот разговор: он

превратит её беспокойство в обвинение, а она начнёт оправдываться раньше, чем поймёт, за что.

Вместо этого она написала Максиму: «Ты не спишь?»

Сообщение не доставилось сразу. Две галочки появились только в 03:04.

Ответа не было.

Валерия подошла к окну. Ворота были закрыты. Под фонарём у калитки лежал вытянутый прямоугольник свежего снега, который сдувало с веток. Машины стояли там же, где вечером. Значит, никто не уехал. Она удивилась, почему это должно её успокаивать.

Во рту пересохло. В гостевой ванной стоял пустой стакан, и Валерия решила спуститься за водой.

На площадке горел приглушённый ночной свет. Перила были холодными. Она прошла мимо общей спальни, остановилась перед дверью и прислушалась. Артём либо спал, либо давно перестал считать нужным сообщать ей, где находится.

В 03:10 Валерия начала спускаться.

Сверху гостиная выглядела пустой. У камина никто не сидел, на столе остались бокалы, забытые после ужина. В узком коридоре к зимнему саду горело бра. Прежде она не замечала, как отчётливо слышно здесь работу собственного сердца.

Под лестницей темнело что-то маленькое. Валерия сделала ещё несколько шагов, пытаясь понять, почему одна из дверей приоткрыта.

По полу тянуло холодом.

Золотистая точка блеснула возле нижней ступени.
Валерия увидела на плитке чёрную туфлю.

Глава 3. Пять версий

Воскресенье, 22 ноября. 05:07.

Первое, что сказала Валерия следователю, было неправдой.

— Я спала.

Она и вправду какое-то время спала. Просто на вопрос «Где вы находились между полуночью и тремя часами?» такой ответ нельзя было считать полным.

Следователь не стала спорить. Её звали Надежда Белова; она представилась, показала удостоверение и попросила присесть в библиотеке. Ей было чуть больше сорока. Тёмные волосы убраны в низкий узел, на лице почти нет косметики. Валерия заметила, что женщина не присматривалась к предметам интерьера и не задавала обычных вопросов о том, зачем людям такой большой дом. Она смотрела на двери.

— Вы обнаружили погибшую около трёх четырнадцати?

— Я увидела её в это время. Кажется.

— Почему кажется?

— Я не смотрела на часы сразу. Потом посмотрела. Над стеклянной дверью. Было три шестнадцать.

Белова сделала пометку.

— Сначала вы были одна?

— Да. Потом пришёл Глеб.

— Муж погибшей?

— Да.

— Вы сказали ему вызвать скорую?

— Да.

— Он звонил со своего телефона?

— Наверное. Я не смотрела.

— Хорошо. Пока не будем превращать догадки в факты.

Валерия благодарно подняла глаза и тут же почувствовала стыд: следовательно не делала ей одолжения. Она просто отделила то, что женщина помнила, от того, что успела придумать за два часа.

Скорая приехала первой. Фельдшер попросил не трогать тело, проверил признаки жизни, затем говорил с кем-то по телефону у открытой двери зимнего сада. Глеб стоял рядом, придерживаясь рукой за стену. На лице у него было такое выражение, что Валерия не решилась его коснуться. Позднее приехали полицейские, попросили всех оставаться в доме, уточнили имена, проверили, не нужен ли кому-нибудь врач. Никто не стал кричать об убийстве. Сначала они пытались понять, что случилось.

Сейчас за стеной библиотеки работала следственно-оперативная группа. Там были люди с фотоаппаратом, измерительной рулеткой, пакетами для следов и вопросами, на которые никто не мог сразу ответить. Узкая галерея временно стала местом, куда хозяину дома запрещали проходить без разрешения.

— Вы видели, как Инга Ордынцева падала? — спросила

Белова.

— Нет.

— Слышали крик?

— Нет.

Валерия сжала ладони между коленями.

— Я слышала звук. Где-то без четверти три. Металлический. Потом словно что-то упало.

— Почему вы не проверили?

Ответ прозвучал в её голове раньше вопроса: потому что боялась столкнуться с чужой женой.

— Я решила, что кто-то уронил вещь на кухне.

— Вы были в своей спальне?

Валерия подняла голову.

— В гостевой.

— Почему?

— Мы с мужем часто спим отдельно. У него рабочие звонки по ночам. Он поздно ложится.

Следователь снова записала что-то. Не спросила, где находился её муж. Может быть, уже знала; может быть, берегла вопрос на потом.

— Какую обувь вы надели, когда вышли?

Валерия посмотрела вниз. На ногах теперь были домашние тапочки, которые Зоя Сергеевна оставила ей ещё вечером. Мужские носки она сняла и положила на край кровати, когда приехали полицейские. Сама не поняла зачем. Возможно, потому, что чужая вещь вдруг показалась уликой.

— Носки, — ответила она. — Я не нашла тапочки.

— Чьи носки?

— Не знаю. Они лежали в комнате.

Белова впервые задержала на ней взгляд дольше обычного.

— Вы их потом стирали, убирали?

— Нет. Они там и остались.

— Хорошо. Не трогайте пока ничего в этой комнате.

Валерия кивнула. Ей стало холодно.

— Инга была вам близкой подругой? — спросила следователь.

— Мы знали друг друга давно. Дружили семьями.

— Между вами был конфликт?

— Не знаю, можно ли назвать это конфликтом.

— Назовите как считаете.

Валерия вспомнила чашку чая у окна, спокойный голос Инги: «Бывают решения, после которых не получается сделать вид, что ничего не произошло».

— Вчера она сказала мне неприятную вещь. Про мой брак. Потом извинилась.

— И на этом разговор закончился?

— Да.

Это была вторая неправда, хотя слова сами по себе оставались точными. Разговор закончился, но причина, по которой он начался, была другой.

* * *

К половине шестого снег за окнами повалил гуще. Валерия увидела его, когда Белова разрешила сделать паузу и выйти в гостиную.

Артём стоял у камина, обняв себя за плечи. Глеб сидел на диване. Его ноги были широко расставлены, взгляд направлен в одну точку на полу. Никто не предложил ему воды. Возможно, потому, что рядом всё ещё стоял недопитый бокал Инги.

Максим находился возле окна. Яна не подходила к нему, и это поразило Валерию сильнее их обычной близости. Она стояла у дальнего конца комнаты, держа в руках телефон, который не разблокировала. На её лице не было слёз.

— Как он? — тихо спросила Валерия у Артёма, кивнув на Глеба.

— Не знаю.

— А ты?

— Мне кажется, я проснулся в чужом доме.

Он произнёс это искренне. Валерия на мгновение захотела обнять его — не как мужа, а как человека, с которым прожила слишком много лет, чтобы не узнавать его страх. Но Артём уже смотрел ей через плечо на лестницу.

— Белова спрашивала, кто выходил из комнат после двух, — сказал он.

— И что ты ответил?

— Что был в спальне.

— Ты спал?

— Нет. Сидел с ноутбуком. Потом лёг.

— Ты слышал что-нибудь?

Артём замедлил ответ.

— Дверь. Где-то около трёх. Но здесь всё время кто-то ходит.

Валерия подумала о своих шагах и промолчала.

— А ты? — спросил он.

— Я спала.

Она снова услышала собственные слова и поняла, что теперь говорит их не только следователю.

Максим подошёл к дивану и предложил Глебу кофе. Тот поднял на него взгляд с неожиданной злостью.

— Ты можешь просто оставить меня в покое?

— Могу.

Максим поставил чашку на стол. Яна следила за ними. Когда Максим повернулся, их взгляды столкнулись, и жена первой отвернулась.

Глеб зажал ладонями лицо.

— Мы поругались, — сказал он в пустоту. — Перед этим. Мы с ней поругались.

— Глеб, — начал Артём.

— А теперь вы будете говорить, что я её убил.

Никто не ответил. Даже если бы кто-то хотел утешить его, эта фраза отняла такую возможность.

Белова появилась в дверях без спешки.

— Глеб Викторович, мы вас сейчас пригласим. И ещё

один вопрос ко всем: у кого есть запись с камер у ворот и боковой калитки?

Артём поднял голову.

— У меня. На сервере.

— Попросим вас помочь сохранить записи с вечера до приезда полиции. Специалист оформит их получение.

— Там только улица. Внутри камер нет.

— Я знаю.

Следователь обвела взглядом комнату.

— В доме после отъезда сотрудницы были шестеро взрослых. Сейчас — пятеро. Мне потребуется от каждого точный рассказ о ночи, даже если какие-то обстоятельства кажутся личными. Мы не ищем повода обсуждать ваши отношения. Мы пытаемся установить, как погиб человек.

Яна опустила глаза. Максим сжал губы. Глеб посмотрел на дверь зимнего сада, словно ждал, что Инга оттуда вернётся.

Валерия подумала о маленькой бронзовой пластинке с погнутым винтом, лежавшей у лестницы, и неожиданно вспомнила, как вечером Зоя Сергеевна предупреждала о тяжёлой бронзовой рыбе у двери кладовой.

Она хотела сказать об этом Беловой, но следователь уже разговаривала с Артёмом. Валерия решила дождаться своей очереди.

Это было третье решение за ночь, которое казалось разумным только в ту минуту, когда она его принимала.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 08:12.

Надежда Белова разложила на библиотечном столе пять листов. На каждом было имя человека, оставшегося ночью в «Белой сосне», и пустые строки для времени. На шестом листе она написала имя Инги Ордынцевой.

Ей хотелось заполнить листы фактами, а не версиями о том, кто с кем спал. Пока получалось наоборот. Артём Левицкий утверждал, что после двух находился в своей спальне. Глеб Ордынцев признал ссору с женой, но не назвал её времени. Яна Руднева сказала, что почти не выходила из гостиной. Её муж Максим говорил, что поднимался за зарядкой, затем вернулся вниз. Валерия Левицкая сообщила, что спала в гостевой комнате и обнаружила тело, когда пошла за водой.

Все пятеро находились под одной крышей. Ни одно объяснение не покрывало ночь целиком.

— Вы установили время смерти? — спросил Чистяков, молодой сотрудник, помогавший собирать материалы.

— Предварительные оценки есть. Когда получим заключение, тогда и будем говорить о точности. Женщина могла получить травму не в ту минуту, когда её слышали. Могла какое-то время оставаться жива.

Она открыла фотографии осмотра. Чёрная туфля с тонким ремешком лежала у нижней ступени. Левая рука погибшей была вытянута к двери. На внутренней стороне запястья имелась небольшая царапина. Рядом с лестницей — бронзо-

вая пластинка с погнутым винтом.

Вчера вечером в доме было так много дорогих предметов, что взгляд не задерживался ни на одном. Теперь каждый собиравшись объявить орудием убийства.

— Сначала выясним, откуда пластинка, — сказала Белова. — А уж потом будем решать, какое отношение она имеет к падению.

За дверью послышались шаги. Валерия стояла в коридоре, держа в руках телефон. Она выглядела не так, как в пять утра: волосы распустились, на плечах появился серый кардиган. Но взгляд оставался прежним — как у человека, который подготовил признание и всё равно боится его произнести.

— Можно поговорить? — спросила она.

Белова попросила Чистякова подождать снаружи.

— Я солгала вам, — сказала Валерия, едва дверь закрылась.

— О чём именно?

— Я была не одна. Между одиннадцатью сорока и половиной первого со мной находился Максим Руднев.

Белова не изменилась в лице.

— Где?

— В гостевой спальне. Там, где я спала.

— Он приходил разговаривать?

Валерия посмотрела на свои руки.

— Не только.

Несколько секунд было слышно, как за окном ветер ударяет мокрым снегом по стеклу. Валерия ожидала вопроса, который задала бы любая знакомая: «Как давно?» Следователь спросила другое:

— Когда он ушёл?

— Примерно в двадцать минут первого. Я посмотрела на его часы — было семнадцать минут. Потом он одевался. В ноль двадцать три написал, что уже внизу.

— У вас сохранились сообщения?

— Да.

— Покажете?

Валерия передала телефон. Белова посмотрела переписку, не касаясь экрана, затем попросила разрешения зафиксировать нужные сообщения установленным порядком. У Валерии было ощущение, что их близость только что превратилась в сухую последовательность цифр.

— Почему вы не сказали сразу?

— Потому что его жена находилась за стеной. И мой муж тоже был здесь.

— Кто ещё знал о вашей связи?

— Не знаю. Мне кажется, Инга догадывалась. Вчера она сказала странную вещь: после некоторых решений нельзя сделать вид, что ничего не произошло.

— Это было до полуночи?

— Да. В гостиной, когда остальные занимались своими делами. Мы немного повздорили. Потом она извинилась.

— Вы после этого встречались с ней?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстро. Валерия заставила себя повторить его медленнее:

— Я не видела её после того разговора. Я думала, она хотела поговорить о моём браке. Но теперь понимаю, что могла говорить о совсем другом.

Белова сделала отметку. Валерия вспомнила ещё кое-что.

— Утром Максим прислал сообщение в общий чат и почти сразу удалил. Я успела увидеть начало: «Не говори про...»

— У вас есть снимок?

— Нет. Только уведомление на экране. Оно исчезло.

— Когда это было?

— Уже после того, как вы начали нас опрашивать. Точное время можно посмотреть в телефоне.

— Не пытайтесь восстановить остальную фразу по памяти. Вы её не видели.

— Я и не пытаюсь. Но я знаю Максима. Он просил меня молчать.

— Возможно. А возможно, начал писать совсем другое сообщение. Это мы тоже проверим.

Валерия неожиданно рассердилась. Ей требовалось, чтобы хоть кто-то подтвердил: он предал её. Чтобы эту маленькую личную правду признали на фоне большой, непостижимой смерти.

— Я вам рассказала о человеке, которого люблю. И вы даже не удивились.

Белова убрала ручку.

— В этом доме погибла женщина. Мне важно, кто где находился и что видел. Вам самой потом придётся решать, кого вы любите.

Валерия кивнула. Впервые с ночи ей стало стыдно за что-то другое, не связанное с изменой.

На пороге она задержалась.

— Бронзовая рыба, — сказала Валерия. — Тяжёлая фигурка. Её ставили у двери, чтобы та не закрывалась. Вчера вечером Зоя Сергеевна просила убрать её из прохода. А рядом с Ингой я видела маленькую бронзовую пластинку. Вы проверяли, не от неё ли?

Белова подняла глаза.

— Где сейчас эта фигурка?

— Я не знаю.

Они вышли в коридор. Возле кладовой, где вечером лежала рыба, было пусто.

* * *

Валерия нашла Максима у окна столовой. Он стоял спиной к комнате, но увидел её отражение и обернулся ещё до того, как она заговорила.

— Я всё рассказала, — сказала она.

Он закрыл глаза на секунду.

— Я понял.

— Ты тоже рассказал?

— Я сказал, что поднимался наверх.

— Это не ответ.

— Лера, Яна сейчас там, за дверью. Ты понимаешь, что будет?

— Я понимаю, что Инга умерла.

Он отступил от окна. Вблизи его лицо выглядело осунувшимся, губы потрескались.

— Ты думаешь, я имею к этому отношение?

— Я думаю, ты боишься не только Яны.

Максим хотел возразить, но в коридоре раздался голос следователя. Их приглашали по одному уточнить время.

Валерия пошла первой.

Она не заметила, как Максим, оставшись один, достал телефон, открыл общий чат и долго смотрел на пустое место между двумя сообщениями.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 10:46.

Глеб сидел в библиотеке так, словно его посадили не на стул, а на скамью подсудимых. Спина прямая, руки на коленях. Когда Белова попросила назвать время последнего разговора с Ингой, он ответил:

— Около двух.

— Вчера вы говорили, что поссорились, но не уточняли когда.

— Я не помнил.

— Теперь вспомнили?

— Посмотрел телефон. В час пятьдесят три она не ответила на моё сообщение. Потом я пошёл искать её.

— Где нашли?

— В коридоре возле кухни. Она стояла и слушала, как мы разговариваем.

— С кем вы разговаривали?

Глеб опустил взгляд.

— С Яной.

Белова записала два слова и дождалась продолжения.

— По работе. Инга хотела остановить подписание, а Яна отвечала за рекламу. Мы думали, как всё исправить до понедельника.

— О чём именно спорили с женой?

— Она сказала, что знает больше, чем я думаю. Я решил, что речь о банковских документах.

— Вы прикоснулись к ней?

Глеб поднял голову слишком резко.

— Кто вам сказал?

— Я спрашиваю.

— Взял за руку. Ненадолго. Она сказала, чтобы я не угрожал. Я отпустил.

— За какую руку?

Он посмотрел на свои ладони, будто ответ находился там.

— Кажется, за левую. Нет. За правую? Она шла от меня к зимнему саду... Я не могу сказать уверенно.

— Царапина на запястье могла появиться тогда?

— Я не царапал её.

— Я спросила, могла ли.

— Не знаю. У Инги были тонкие браслеты, она всё время цепляла ими рукав.

Вечером Инга действительно сняла часы у стола и положила рядом с бокалом. Глеб не вспомнил этого. Он рассказывал о жене так, будто видел её последний раз очень давно, в другой жизни.

— После разговора куда она пошла?

— В сад. Я вернулся к себе.

— Вы видели, как она поднялась обратно?

— Нет.

— Затем, до обнаружения тела, выходили из комнаты?

Глеб промолчал.

Белова не подсказывала ему нужного ответа. Открыла блокнот на другой странице, записала время. Наконец он сказал:

— Я выходил. Но не к ней.

— Куда?

— В библиотеку.

— Зачем?

— Надо было убрать папку. Там документы к сделке. Инга весь вечер грозилась отдать их посторонним. Я не хотел, чтобы она продолжала копаться в них ночью.

— Во сколько это было?

— После половины третьего. Может, ближе к трём.

— Что именно убрали?

— Папку с черновиками соглашения. Я положил её в шкаф. Не уносил из комнаты.

— Кто может это подтвердить?

— Никто. В библиотеке никого не было.

— Сколько времени вы там провели?

— Минут пять. Может, десять.

— По дороге видели Ингу?

— Нет.

Он облизнул губы. Белова заметила это движение и не сделала из него вывода. Люди боялись, даже если ни в чём не были виноваты.

— А теперь расскажите с момента, когда услышали Валерию, — попросила она.

Глеб нахмурился.

— Я шёл из коридора к гостиной. Услышал, как кто-то зовёт Ингу. Она лежала у лестницы. Валерия сказала вызвать скорую.

— Что вы делали непосредственно перед этим?

— Был у себя. Не мог уснуть. Решил спуститься за водой.

— Вы слышали шум между двумя сорока и тремя?

— Ничего необычного. Может, дверь ударилась. Там постоянно сквозняк.

Белова положила ручку. На её листе образовалась длинная пустота между посещением библиотеки и вызовом ско-

рой. Глеб не мог заполнить её ничем, кроме собственных слов.

— Ваша жена собиралась подписывать заключение по соглашению о долях?

— Да. Она юрист.

— Она отказалась?

— Хотела проверок. Такие вопросы всегда можно решить.

— Можно. А можно и не решить.

Он впервые посмотрел на неё с раздражением.

— Вы хотите сказать, я убил жену из-за бумажек?

— Я хочу понять, почему вы в три часа ночи убирали бумаги, из-за которых ссорились с ней весь вечер.

Глеб рассмеялся. Смех вышел коротким и пустым.

— Потому что боялся потерять компанию. Нехороший ответ, да?

— Это ответ, который надо проверить.

* * *

Артём Левицкий встретил Белову у входа в зимний сад. Его не пустили внутрь оцепленного участка, и он стоял на пороге, не зная, куда деть руки.

— В понедельник должны были подписывать документы, — сказал он. — Теперь, очевидно, ничего не будет.

— Кто имел доступ к этим документам?

— Участники сделки. Глеб, я, Инга. Максим видел проектные материалы. Яна — рекламные приложения. Валерия в финансовые детали не вникала.

— А хозяйственные помещения? Кладовая возле зимнего сада?

— Что там?

— Вы пользуетесь бронзовой фигуркой рыбы как дверным упором?

Артём неожиданно улыбнулся — впервые за утро.

— Из-за неё все спотыкаются. Моя мать привезла её ещё из ленинградской квартиры. Не антиквариат, но выкинуть рука не поднимается.

— Где она должна стоять?

— У двери между гостиной и зимним садом. Иногда Зоя переставляет.

— Когда вы видели её в последний раз?

— На ужине. Кажется, возле камина.

Белова посмотрела в сторону пустого места у кладовой.

— Нам нужно её найти.

Он перестал улыбаться.

— Вы думаете, ей ударили Ингу?

— Я пока думаю, что вещь исчезла из места, где её видели ночью. Это разные утверждения.

Позже сотрудники проверили открытую часть дома, не нарушая уже ограждённые участки. Рыбу нашли в хозяйственной нише под лестницей, за складным стулом. Глубоких следов крови на ней при осмотре не было видно. На нижней стороне основания осталось место от узкой декоративной накладке: два отверстия, одно с обломком резьбы.

Белова не позволила никому приложить найденную пластинку к фигурке на глазах у гостей. Предметы упаковали отдельно для исследования.

* * *

У Глеба попросили показать шкаф в библиотеке. В нём действительно лежала папка, но внутри оказались планы причала, рекламная смета и распечатка соглашения без последних страниц.

Он посмотрел на бумаги недоверчиво.

— Здесь было приложение. С таблицей платежей.

— Кто последний держал его в руках?

— Я положил. Сам.

Белова попросила описать страницу.

— Лист с цифрами и подписями. Не помню номер.

Глеб никогда не обращал внимания на номера страниц — это были, по его убеждению, чужие обязанности.

Он осёкся, заметив её взгляд.

— Я ведь не обязан помнить каждую бумагу, — добавил он.

— Не обязаны. И пока мы не знаем, действительно ли приложение исчезло этой ночью. Проверим комплектность документов и историю версий.

Глеб попытался возразить и не нашёл слов.

Глава 4. Письмо в 01:26

Воскресенье, 22 ноября. 13:18.

В «Белой сосне» не было камер внутри жилых комнат. Не было их и в коридоре к зимнему саду. Артём считал, что люди, приехавшие к нему в гости, не должны оглядываться на объективы. Об этом он рассказал следователю ещё ночью, почти с гордостью.

Зато снаружи дом наблюдал за собственными границами очень внимательно.

У ворот находились две камеры: одна снимала номера въезжавших машин, другая — дорожку вдоль ограждения. Третья была направлена на боковую калитку. Все записывали на отдельный сервер, установленный в шкафу кабинета Артёма. Доступ имели он сам и компания, обслуживавшая систему безопасности.

— Если кто-нибудь приехал после отъезда экономки, вы это увидите? — спросил Чистяков.

— Если приехал через ворота или прошёл через калитку и попал в кадр, — ответил техник, прибывший для сохранения записей. — Но не всё, что происходит за забором, видно по этим камерам.

Белова попросила не искать наугад тёмный силуэт убийцы. Сначала установили последовательность изображений, сравнили её с подтверждённым временем отъезда Зои Сер-

геевны и звонком в скорую. Часы у одного регистратора спешили почти на три минуты. Поправку зафиксировали отдельно; остальные устройства проверяли своими способами.

— Мы можем утверждать, что между десятью пятнадцатью вечера и приездом врачей в объективе ворот не было неизвестной машины, — сказал техник. — Но если человек уже находился на участке либо прошёл вне зоны обзора, этот материал его не исключает.

— Зафиксируйте именно так, — ответила Белова.

В 02:46 по уточнённому времени возле калитки возникло движение. Камера не показывала лица: в объектив на секунду попало тёмное пятно, затем закачалась нижняя ветка сосны. Датчик открытия калитки при этом не сработал.

— Кошка? — предположил Чистяков.

— Возможно. Или ветка. Не надо выдавать пиксели за человека.

Белова вернулась к записи. Отсутствие отметки об открытии означало только, что датчик не зарегистрировал открытие. Это не был ответ на вопрос, кто находился внутри дома в 02:43.

Никто не выходил из ворот на машине. Никакого таинственного гостя, которого легко обвинить и забыть об остальных, запись не принесла.

* * *

Зоя Сергеевна приехала к дому в половине второго, когда выяснилось, что следователь хочет поговорить с ней о вече-

ре. Её сын привёз и остался ждать за воротами.

— Мне сказали, Инга погибла, — произнесла женщина, опускаясь на стул. — Я не поверила. Она в прошлый четверг спрашивала, где купить варенье без сахара. Человек спрашивает про варенье, а через три дня...

Она не закончила.

Белова дала ей время. Потом спросила о бронзовой рыбе.

— Ставили у дверей. Я ругалась. Пол царапала. Вчера убирала её с середины прохода к кладовой. Поставила ближе к стене. Валерия Михайловна видела, даже ногой отодвинула.

— Вы знаете, почему у неё снизу могла отсутствовать пластинка?

— У старой вещи может что угодно отвалиться. Там винты давно расшатались. Артём Андреевич всё собирался прикрутить. Я ему летом говорила.

— А вчера вечером накладка была на месте?

Экономка подумала.

— Я вещь не переворачивала. Не могу сказать.

Белова показала фотографии помещения, сделанные при осмотре, и попросила указать обычное место фигурки. Зоя отметила два: у створки и рядом с кладовой. В нише под лестницей, где предмет обнаружили утром, она его никогда не оставляла.

— Вы кого-нибудь видели с этой рыбой в руках?

— Нет.

— А с папками, похожими на документы?

Зоя Сергеевна хмыкнула.

— Здесь все ходят с папками. Даже за ужином о бумагах спорят, словно без них есть не умеют.

Она помолчала и добавила:

— Инга Андреевна попросила меня вчера не убирать со стола карточки с именами. Сказала, что потом они могут понадобиться.

— Зачем?

— Не объяснила. Я ответила, что не выброшу, и пошла за посудой. Они так и лежали в столовой, когда я уходила.

— Вы их сегодня видели?

— Не успела. Меня никуда не пускают.

Белова попросила проверить карточки в рамках осмотра. На столе осталось пять. Карточки Инги не было — возможно, она сама убрала её ещё во время ужина. Но просьба сохранить остальные карточки теперь выглядела не случайной.

* * *

Артём услышал про пропажу карточки и рассердился.

— Вы серьёзно? Моя знакомая умерла, а вы считаете таблички с местами за столом?

— В начале ужина карточек было шесть, — ответила Белова. — Инга, по словам гостей, сняла свою с тарелки. Позже она попросила не убирать остальные. Я выясняю, почему.

— Она вообще любила странные шутки.

— Зоя Сергеевна не сказала, что это была шутка.

Он посмотрел на неё и замолчал. Потом неожиданно произнёс:

— Когда Инга заходила ко мне после часа ночи, она говорила о бумагах. Не о табличках.

— Вы утверждали, что после полуночи оставались в спальне.

Артём понял, что проговорился, прежде чем она успела договорить.

— Она сама пришла. Я не выходил.

— Но ранее вы не сообщали об этой встрече.

— Я не считал её важной.

Белова открыла блокнот.

— Тогда расскажите о ней с самого начала.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 15:06.

Яна терпеть не могла людей, которые произносили слово «искренность» в момент, когда уже приготовили себе удобную ложь. У Глеба это получалось особенно легко. Вчера ночью в библиотеке он сказал ей: «Я решу вопрос». Сегодня его жену нашли мёртвой, а вопрос только стал больше.

Яна сидела в гостевой комнате с ноутбуком на коленях. Экран был закрыт. Она не решалась его открыть, хотя знала, что скоро устройство попросят показать следствию. Там хранились мартовские счета, рабочая переписка и фотографии, которых не должно было быть на служебном компьютере.

Именно последние пугали её сильнее.

Она могла объяснить, почему подписывала сомнительные акты. Страх потерять агентство — плохое оправдание, но это хотя бы объяснение. А фотографию, на которой Глеб спал в её московской квартире, объяснить нельзя было ничем, кроме собственной любви и глупости.

В дверь постучала Белова.

— Уточним ещё несколько часов, — сказала она.

Яна отложила ноутбук.

— Вы уже знаете про наши отчёты?

— Я знаю, что погибшая просила у вас оригиналы мартовских файлов. В час ночи вы ответили, что часть сохранилась. Вы собирались передать их утром?

— Да.

— Почему не ночью?

— Потому что ночь. Потому что я была не готова уничтожить собственное агентство одним письмом.

Белова села напротив.

— А где вы были после двух?

— Внизу. Сначала в гостиной, потом ходила за водой.

— С кем разговаривали примерно в половине третьего?

Яна посмотрела на неё.

— Почему вы спрашиваете?

— Валерия слышала ваш голос в дальнем коридоре.

Яна откинулась на спинку дивана. Её первым желанием было возмутиться: Валерия подслушивает и теперь делает из этого событие. Но от негодования пришлось отказаться.

Женщина, которая умерла, могла тоже слышать этот разговор.

— С Глебом, — ответила она.

— О чём?

— Я сказала, что мне надоело, как он решает за всех. Он хотел, чтобы я не отвечала Инге на её вопросы.

— Вы ответили?

— Я уже ответила раньше. Потом он увидел переписку, я показала.

— То есть после разговора с женой возле кухни Глеб снова встретился с вами?

Яна кивнула.

— Где именно?

— У поворота к гостевой лестнице. Он шёл из библиотеки или к ней, не знаю. Там сложно понять, откуда человек появился, если не видишь весь коридор.

— Во сколько вы расстались?

— Я посмотрела на телефон в 02:36. Мы уже говорили. Вскоре он ушёл.

— Куда?

— Не сказал.

Она помолчала и добавила:

— Я не пошла за ним.

Белова записала ответ. Несколько минут она спрашивала о документах: кто делал расчёты, кто подписывал акты, кто видел оригиналы. Яна отвечала подробно. Когда разговор за-

кончился, ей захотелось спросить, знает ли следователь об их с Глебом связи. Но такая просьба сама по себе была бы признанием.

— У вас был роман с Глебом Ордынцевым? — спросила Белова, как будто прочла её мысли.

Яна перестала дышать.

— Да.

Слово прозвучало почти беззвучно.

— Как давно?

— Больше года.

— Муж знает?

— Думаю, подозревает.

— Инга?

— Я не знаю.

Белова не торопилась. Впервые за разговор Яна выглядела готовой сказать что-то ещё.

— Я любила Глеба, — произнесла она. — Наверное, до сих пор. Но вчера впервые подумала, что он способен уничтожить меня, если я перестану ему помогать.

— Что вы имеете в виду?

— Он напомнил, что на отчётах моя подпись. Что деньги получало моё агентство. Если всё откроется, он скажет, что был только заказчиком.

— Вы считаете, что он мог убить Ингу?

— Я не знаю. И именно это страшнее всего.

* * *

Максим ждал жену в холле. Он не спрашивал, что говорил следователь: теперь между ними любое слово походило на начало ссоры. Яна остановилась рядом и заметила, что на его запястье нет часов.

— Где твои часы?

— В комнате.

— В какой?

Он посмотрел на неё.

— Яна, пожалуйста.

— Ты вчера пропал почти на час. Потом вернулся в другой рубашке. Я больше не буду делать вид, что не замечаю.

— Ты хочешь поговорить об этом здесь?

— А дома мы заговорим? В машине? Через год?

За стеклянной дверью появился Артём. Оба замолчали.

Яна вдруг поняла, что их брак слишком долго держался на одном правиле: не задавать вопрос, на который боишься получить ответ. Вчера вечером ей казалось, что именно Максим первый нарушил его. Теперь она уже не была уверена.

— Я изменяла тебе, — сказала она тихо, когда Артём прошёл мимо.

Максим не шевельнулся.

— С кем?

— С Глебом.

Он отвернулся к стене. Яна ожидала гнева, но он только спросил:

— Он знает, что ты мне сказала?

— Нет.

— Тогда у тебя ещё есть возможность передумать.

— Я не хочу больше передумывать.

Он посмотрел на неё так, будто увидел незнакомого человека. Потом сказал:

— Мне тоже есть что рассказать.

Но не успел. Из библиотеки вышел Чистяков и попросил Яну пройти с ним для оформления предоставленных ею документов. Максим остался один, с несказанной правдой, которая вдруг показалась слишком поздней.

* * *

Воскресенье, 22 ноября. 18:32.

Когда Артём наконец признал ночной разговор с Ингой, Белова не стала задавать вопрос о романе. Она попросила восстановить конкретные действия.

— Она пришла в вашу спальню?

— Нет. Я сам зашёл в её гостевую комнату. Она была с бумагами. Я принёс воды.

— Во сколько?

— Около половины второго.

— Сколько длился разговор?

— Минут пятнадцать. Может, больше.

— Вы пытались её удержать?

— Нет.

— Вы касались её?

Он замялся.

— Положил руку на плечо. Она попросила убрать руку.
Я убрал.

— О чём говорили?

Артём посмотрел в окно. День давно закончился, и в чёрном стекле отражалась лампа.

— О сделке. Она боялась, что подписывает неверное заключение. Я пытался объяснить, что в понедельник всё исправим.

— Что именно исправим?

— Движение денег. У нас временный кассовый разрыв. Глеб привлёк финансирование под будущие договоры. Не всё оформлено правильно, но никто не украл ничего.

— Это установлено проверкой?

— Это известно мне как руководителю.

— Значит, проверять всё равно придётся.

Артём провёл по лицу ладонью.

— Инга в последние месяцы стала ко всему относиться так, словно мы преступники.

— Она была вашим юристом.

— И нашим другом.

— Друзья иногда задают неприятные вопросы.

Он впервые почти улыбнулся. Потом Белова спросила:

— Вы состояли с ней в близких отношениях?

Артём посмотрел ей прямо в лицо.

— Да. Почти год.

— Глеб знал?

— Нет. Надеюсь, нет.

— Валерия?

— Не знаю.

В этом ответе было больше правды, чем он предполагал. Его жена давно перестала требовать объяснений, и Артём принял молчание за доверие.

— Когда вы последний раз видели Ингу живой?

— В её комнате. После разговора я ушёл к себе.

— Вы не видели её после двух?

— Нет.

Белова перевернула страницу.

— Ваша жена сказала, что примерно в 00:29 вы искали Ингу и спрашивали, не видела ли она её. Почему?

— Она обещала поговорить со мной до утра. Я не хотел, чтобы мы разошлись, так и не решив вопрос.

— Вы уже знали, что она обнаружила ошибки в документах?

— Да.

— И что собиралась сообщить о них кому-то вне компании?

Артём отвёл глаза.

— Она говорила, что не намерена прикрывать нас. Куда именно собиралась писать, не сказала.

* * *

Ночью Инга отправила письмо.

Это удалось подтвердить не потому, что полиция нашла в

её компьютере красивую папку с названием «Улики». В ноутбуке были обычные рабочие каталоги, черновики договоров, бухгалтерские таблицы и десятки писем, содержание которых не имело отношения к делу. Однако последнее исходящее сообщение заинтересовало следователя: в 01:26 Инга направила независимому адвокату три приложения и просьбу проверить документы до понедельничного подписания.

Получение письма подтверждалось техническими данными почтового сервиса. Содержимое вложений ещё требовало надлежащего получения и проверки, в том числе потому, что получатель не являлся участником событий в доме.

— Значит, её убили за отправку, — сказал Чистяков.

— Значит, за час с лишним до предполагаемого происшествия она действительно вынесла часть вопросов за пределы компании, — поправила Белова. — Это может быть мотивом. Не путай мотив с доказательством исполнителя.

Инга не уведомила ни мужа, ни Яну о том, что сделала. Они могли догадываться. Не знать. Или узнать от кого-то ещё.

Белова посмотрела на список отправленных файлов. Два относились к оплате рекламных мероприятий. Третий назывался «Дополнение_к_соглашению_Мыс_версия4».

Номер версии сам по себе ничего не означал. Гораздо важнее было установить, существовали ли версии первая, вторая и третья, и кто менял цифры между ними.

— Запросим оригиналы, банковские сведения и историю

согласований, — сказала она. — Ни один файл не расскажет нам, кто стоял у лестницы.

* * *

Ночью, когда к дому вернулась тишина, Валерия находилась в своей гостевой спальне. Ей разрешили забрать необходимые вещи после того, как сотрудники закончили работу на соответствующем участке и отметили это в документах.

Она смотрела на кресло, где лежали чужие тёмно-синие носки. Теперь они находились в отдельном пакете для осмотра, и стул казался голым. Не было ни следа их с Максимом близости, кроме переписки, которую она сама передала Беловой.

Максим стоял у двери. Они впервые остались наедине после её признания.

— Яна знает, — сказал он.

— Про нас?

— Я ещё не сказал. Она призналась, что встречалась с Глебом.

Валерия прислонилась к стене. Ей казалось, что удивляться уже поздно, но чувство всё равно пришло.

— Значит, все шестеро жили так, будто друг друга не знают.

— Не все, — ответил Максим.

— Почему?

Он посмотрел в сторону коридора.

— Инга знала больше остальных. Она говорила мне о до-

кументах. И о том, что в понедельник сделка не состоится. Сказала, что надо выбрать, на чьей я стороне.

— И ты выбрал?

— Нет.

Валерия долго молчала. Потом вспомнила, как Инга стояла у окна с чашкой чая, как осторожно извинилась за резкие слова, как намеревалась наконец перестать врать.

— Ты не выбрал, — повторила она. — А она выбрала.

Максим подошёл ближе, но Валерия отступила.

Впервые за всё время их романа она не хотела, чтобы он её касался.

Глава 5. Два удара

Понедельник, 23 ноября. 09:20.

Когда Белова вышла из здания судебно-медицинской службы, снег уже превратился в грязную воду. Ноябрь в Петербурге умел за одну ночь сделать любую улицу похожей на место, где недавно что-то произошло и плохо убрали.

Чистяков ждал в машине с двумя стаканами кофе. Один протянул ей, второй поставил в подстаканник и немедленно опрокинул на документы. Пока он собирал промокшие листы, Белова смотрела на людей возле остановки. Они разговаривали, проверяли расписание, ругались на транспорт. Она знала, что именно так выглядит обычное утро у человека, которому не сообщили о чужой смерти.

— Что там? — спросил Чистяков, наконец справившись с кофе.

— Предварительное исследование подтверждает тяжёлую черепно-мозговую травму. Причина смерти связана с ударным воздействием. Но характер повреждений не позволяет пока сказать, ударили её предметом или она ударилась при падении.

— Рыба?

— Рыба пока только фигурка, у которой не хватает части основания.

— Два удара?

— Два повреждения, которые надо объяснить. Не обязательно два самостоятельных удара. В этом разница.

Он кивнул, хотя по лицу было видно, как сильно ему хочется получить историю проще: преступник взял тяжёлую вещь, ударил, спрятал. Вещь уже нашли. Будто оставалось лишь вписать фамилию.

— А запястье? — спросил он.

— На предплечье есть следы сдавления, но определить время их образования с точностью до минуты нельзя. Глеб признаёт, что схватил жену возле кухни. У нас нет основания объявлять именно это прикосновение смертельной схваткой.

— Тогда что у нас вообще есть?

Белова поставила стакан рядом с рычагом коробки передач.

— У нас есть женщина, которая собиралась сорвать сомнительную сделку, письмо, отправленное за пределы компании, несколько людей с основаниями лгать и звук, который одна свидетельница услышала приблизительно в 02:43. Достаточно для работы. Недостаточно для красивого финала.

Они поехали в Репино.

* * *

У нижних ступеней зимнего сада снова стояли люди. На этот раз не в форме, а с измерительными приборами и набором пронумерованных меток. Первоначальный осмотр уже завершили, теперь по имеющимся фотографиям и замерам проверяли взаимное положение предметов. Ничего не пере-

ставляли без фиксации.

Лестницу построили по проекту Максима Руднева. Он предусмотрел широкий марш, лёгкие металлические перила и площадку, с которой можно смотреть на верхушки сосен сквозь стеклянную стену. Артём позднее заменил часть отделки и заказал тяжёлые каменные ступени — ему казалось, что они выглядят дороже.

Тринадцатая ступень считалась последней перед поворотом на галерею. Валерия называла её так со дня открытия дома: именно на ней однажды подвернула ногу, когда шла в новых туфлях. Название прижилось среди друзей, хотя для остальных в ступени не было ничего особенного.

Белова попросила не приглашать Максима для объяснения устройства лестницы, пока специалисты не закончат измерения. Автор проекта имел полезные знания, но его показания уже требовали отдельной проверки.

— Если человек падает отсюда, — сказал специалист, показывая на верхнюю часть марша, — положение тела зависит от движения, попыток удержаться, высоты и того, обо что он ударяется по пути. Мы не можем нарисовать одно-единственное падение только потому, что оно подходит к фотографии.

— А если столкнули? — спросил Чистяков.

— Тогда сначала покажите, что было столкновение. Не наоборот.

Они проверили место, где нашли туфлю. Ремешок не был

порван, пряжка застёгнута. Сама обувь могла слететь при падении, но могла быть потеряна и раньше. Один волос, обнаруженный на боковой грани нижней ступени, не давал ответа: в доме жили и бывали люди со светлыми волосами, а сама ступень не была стерильной поверхностью.

Дольше всего Белова смотрела на дверь между гостиной и зимним садом. Её тяжёлая створка открывалась внутрь, а пружина доводчика возвращала на место. Если ничего не подкладывать, дверь закрывалась сама.

— Вот для чего держали бронзовую рыбу, — сказал Чистяков.

— Вероятно.

— Кто-то принёс её сюда и оставил, чтобы створка не захлопнулась.

— Вероятно. Но утром фигурку обнаружили под лестницей, а не у этой двери. Кто и когда её переставил, предстоит выяснить.

Белова попросила установить, можно ли было услышать на верхнем этаже звук падения фигурки на плитку. Для этого назначили отдельную проверку после окончания исследований. Подгонять эксперимент под время, названное Валерией, она не собиралась.

* * *

Валерия вернулась за вещами ближе к полудню. Артём не встретил её у ворот, хотя машина стояла возле дома. В прихожей пахло моющим средством; на полке лежали сменные

бахилы, принесённые вчера сотрудниками.

Она поднялась в гостевую комнату и долго смотрела на покрывало. Здесь ничего не случилось с Ингой. Здесь случилось то, из-за чего Валерия боялась ночью выйти в коридор. Её собственное маленькое преступление против семьи теперь казалось чудовищно незначительным и от этого не переставало причинять боль.

Телефон завибрировал. Максим.

«Нам нужно поговорить без остальных».

Она набрала ответ: «Мы уже наговорились».

Стёрла.

«О чём?»

Отправила и несколько секунд держала телефон в руке.

«О том, что Инга сказала мне перед смертью».

Валерия перечитала сообщение. Если бы он знал что-то важное, почему не рассказал следователю?

Она набрала: «Это касается убийства?»

Ответ пришёл через минуту:

«Я не знаю».

Именно эту фразу Валерия теперь ненавидела больше всякой лжи. Каждый в доме произносил её, когда хотел, чтобы от него отстали. Но иногда она означала правду.

* * *

Понедельник, 23 ноября. 13:40.

Письмо Инги прочитали в присутствии человека, которому оно предназначалось. Юрист Оксана Платонова приеха-

ла в Петербург из Москвы утренним поездом. Она сидела в пальто, держа на коленях кожаную папку, и прежде всего спросила, вправе ли она отказаться рассказывать о прежних конфиденциальных консультациях.

Белова объяснила порядок получения сведений и пределы вопросов. Она не обещала, что профессиональная тайна исчезнет только потому, что произошло убийство. Пока им было важно установить, что именно Инга отправила ночью и кто мог узнать о содержании.

— Я увидела письмо утром в восемь сорок, — сказала Платонова. — Вложения не пересылала. Написала Инге, что готова созвониться после десяти. Ответа не получила. Потом мне позвонили из полиции.

— Вы раньше работали с этой компанией?

— Нет. Мы с Ингой учились вместе. Несколько раз обсуждали рабочие вопросы в общих чертах. Про «Мыс» она раньше ничего конкретного не присылала.

— Кто мог знать, что она обратилась к вам?

Платонова задумалась.

— Я не знаю. Она могла сказать любому. В письме просила именно независимой проверки. Такие просьбы не обязательно означают, что отправитель готов немедленно обращаться с заявлением о преступлении.

Письмо сопровождалось тремя файлами. Первые два содержали акты рекламных услуг: реальные мероприятия содействовали с документами, по которым объём работы уве-

личивался без объяснимых оснований. Оценить правовую природу этих расхождений можно было только после получения оригиналов и платёжных сведений. Третий файл представлял собой проект дополнения к соглашению о распределении долей в объекте «Мыс».

Белова открыла его на экране.

На первых страницах описывался порядок будущих расчётов между компаниями. Затем следовала таблица условий, при которых один из участников получал право потребовать досрочной выплаты. Некоторые строки были выделены Ингой жёлтым.

— Что тут опасного? — спросил Чистяков.

— Пока не знаю, — ответила Белова. — Но именно этот документ кто-то собирался подписывать в понедельник. Попросим специалиста по корпоративным соглашениям прочитать его без наших догадок.

Платонова указала на комментарий на полях. Инга написала: «Сопоставить с мартовскими актами. Не совпадает получатель».

— Она не была уверена, что обнаружила кражу, — сказала юрист. — Смотрите на формулировку. Она хотела сверить две цепочки платежей.

— И для этого отправила копии ночью?

— Потому что на следующий день у неё могли потребовать подписать заключение. Возможно, она боялась давления.

В словах «возможно» и «могли» было столько осторожности, что Чистяков нетерпеливо перевернул лист. Белова удержала его взглядом. Им не нужна была убедительная легенда. Им нужно было узнать, почему Инга больше не могла подписать своё имя.

* * *

Яна приехала в офис собственного агентства после обеда. Сотрудники смотрели на неё, как на человека, которому полагалось сказать что-нибудь важное. Она сказала, что сегодня не будет совещания, и закрылась в кабинете.

Двенадцать лет назад она начинала с небольших заказов на афиши, гостиничные буклеты и презентации. Потом появились крупные клиенты, зарплаты, рекламные бюджеты, отдел бухгалтерии. В последние месяцы собственное дело стало для неё не предметом гордости, а помещением, где в каждой папке лежал риск.

Она открыла мартовский архив.

На экране появилось письмо от Глеба: «Добавь в закрывающие ещё один пакет. По факту всё отработаем в следующем квартале».

Она тогда ответила: «Я не могу закрыть то, чего не было».

Глеб прислал: «Ты знаешь, сколько нам должен банк. Не играй в принципиальность».

Яна сохранила переписку. Не для полиции — тогда она ещё надеялась, что хватит показать Глебу собственные слова, чтобы он испугался. Он не испугался. Попросил подгото-

вить акты, и она подготовила.

Теперь Яна открыла общий диск и увидела, что папка с новой версией соглашения была изменена в пятницу вечером. Последним редактором значился пользователь «admin-project».

Это был общий аккаунт. Им пользовались несколько человек, когда кто-нибудь забывал пароль к своей учётной записи. Яна сама просила секретаря заходить под ним в разгар подготовки презентаций.

Имя не доказывало ничего.

Она всё же сняла копию журнала изменений, не исправляя исходные записи. Потом позвонила бухгалтеру:

— Мне нужны первичные документы по рекламе «Мыса». Все. Даже те, которые Глеб просил не показывать в общей папке.

— Яна Сергеевна, но это же...

— Знаю. Приготовьте их и ничего не удаляйте.

Бухгалтер помолчала.

— Я думала, вы никогда этого не попросите.

* * *

В тот же вечер Глеб приехал к Артёму в городскую квартиру без предупреждения. Оба пытались говорить о похоронах Инги, но через несколько минут перешли к банку.

— Сделка теперь остановится, — сказал Артём. — Как минимум до выяснения обстоятельств.

— Её уже остановили. Финансовый директор звонил.

Банк хочет пересмотреть обеспечение.

— А ты чего ждал?

Глеб сел на край дивана.

— Я ждал, что ты наконец признаешь: без подписания в понедельник мы не пройдем декабрь.

— Инга была права, что не хотела ничего подписывать вслепую.

— Теперь легко говорить, что она была права.

Артём подошёл к окну. На другой стороне проспекта медленно двигались трамваи.

— Ты понимаешь, что вчера у меня дома умерла женщина, с которой я...

Он осёкся.

Глеб поднял голову.

— С которой ты что?

— С которой мы работали десять лет.

Глеб смотрел на него ещё несколько секунд. Потом кивнул.

— Конечно. Работали.

И Артём понял, что произнёс слишком много.

* * *

Вторник, 24 ноября. 11:05.

Максим назначил Валерии встречу в маленьком кафе возле Финляндского вокзала. Она приехала на десять минут раньше и выбрала столик, откуда были видны дверь и касса. Прежде ей нравилось ждать его в гостиничных холлах и

ресторанах. Ожидание казалось частью романа. Теперь она думала только о том, что могут увидеть посторонние.

Максим вошёл без пальто. Прежде чем сесть, попросил официантку принести воды.

— Ты писала, что Инга что-то сказала тебе, — напомнила Валерия.

— Да. В субботу вечером, до ужина. Я столкнулся с ней в коридоре у столовой. Она попросила, чтобы я не подписывал в понедельник ничего, чего не читал сам.

— И всё?

— Потом спросила, знаю ли я, что произошло с последней версией соглашения. Я сказал, что занимался чертежами, а не платежами.

— Это правда?

— Правда. Но не вся. Я видел расчёты по своему контракту. Сумму увеличили. Я решил, что Артём пересчитал объём работ.

Валерия взяла стакан двумя руками.

— Почему ты не рассказал Беловой?

— Рассказал вчера. Меня спросили про договоры, я объяснил. Но хочу показать тебе кое-что ещё.

Он достал салфетку и нарисовал на ней план зимнего сада. Две двери, лестницу на галерею, кладовую в углу. Рисовал быстро, уверенными короткими линиями. Валерия вспомнила, как Яна однажды говорила, что Максим даже во сне строит здания.

— Я проектировал эту лестницу, — сказал он. — Артём заменил покрытие ступеней, передвинул несколько светильников. Но дверь сюда осталась в том же месте. Смотри.

Он провёл линию от нижней двери к лестнице.

— Если ты выходишь из гостиной, то видишь верхний пролёт только под определённым углом. Человека на площадке можно услышать раньше, чем заметить. Но если кто-то находится за створкой, ты вообще его не увидишь.

— Ты хочешь сказать, там прятался убийца?

— Нет. Я хочу сказать, что когда ты в три четырнадцать вошла в сад, ты могла не видеть всего, что происходило перед этим. И тот, кто пришёл за тобой, тоже.

— Глеб.

— Да.

— Ты подозреваешь его?

Максим положил карандаш.

— Я подозреваю нас всех. Не в убийстве. В том, что мы договорились никогда не разговаривать честно.

Валерия усмехнулась. Слишком красивый ответ для человека, который месяцами приходил к ней тайком.

— Ты рассказал Яне про нас?

— Да. Вчера вечером.

Она не ожидала.

— Что она сказала?

— Спросила, давно ли. Потом ушла в другую комнату. Утром я уехал, пока она спала. Если вообще спала.

Они замолчали. За соседним столиком девушка читала что-то на телефоне и смеялась. Валерия с удивлением заметила, что ей хочется, чтобы хотя бы этот смех продолжался.

— Ты любишь меня? — спросила она.

Максим не ответил сразу.

— Да.

— Тогда почему я всё время узнаю о тебе что-то последней?

Он посмотрел на салфетку с планом.

— Потому что я любил быть хорошим человеком в собственном представлении. И не делал ничего, чтобы им стать.

Валерия посмотрела на дверь кафе. В другой день она могла бы простить его за этот ответ. Сегодня не хотела.

* * *

Белова встретила с Зоей Сергеевной во второй раз. Теперь ей были нужны не впечатления о гостях, а привычки дома.

— Вы вечером закрываете дверь зимнего сада?

— Проверяю, чтобы не дуло. Доводчик там иногда заедает.

— А сигнализацию включаете?

— На внешних дверях — да. Только не всегда, если гости на террасу выходят. Артём Андреевич сам решает.

— У вас есть отдельный код?

— У меня свой. Чтобы никто потом не говорил, что я чужим пользовалась.

— Вы пользовались им в субботу после десяти пятнадцати?

— Нет. Я уже уехала.

Зоя Сергеевна нахмурилась.

— А вы знаете, кто вообще ставил фигурку у двери в ту ночь?

— Нет.

— Я не про рыбу. Про дверь. Если её оставляли открытой, датчик иногда пищал. Значит, кто-то должен был отключить предупреждение. Иначе они бы ночью весь дом разбудили.

Белова записала это и связалась со специалистом, занимавшимся журналами охраны. В собранных ранее материалах были записи ворот, калитки и нескольких датчиков. Но режим предупреждения о незакрытой двери зимнего сада они пока отдельно не проверяли.

— Проверьте настройки и журналы, — попросила она. — И не делайте вывода о человеке по одному коду.

Через час ей перезвонили.

В ночь гибели Инги предупреждение действительно отключали. Не по расписанию уборки и не автоматически.

Со стационарной панели у коридора.

Почти за десять минут до звука, который слышала Валерия.

Глава 6. Маршрут Глеба

Вторник, 24 ноября. 16:15.

На экране специалиста светились четыре строки. Две относились к датчикам, одна — к проверке связи и последняя — к изменению режима дверного предупреждения.

«02:34:51. Предупреждение о незакрытой двери: выключено».

Ниже стояла запись об обратном включении — 03:07:12.

— Время в журнале совпадает с местным? — спросила Белова.

— Мы проверяли его по контрольным событиям. Погрешность меньше минуты. Это отдельный блок, его часы не те, что у камер ворот.

— Кто может выключить предупреждение?

— Тот, кто знает код панели. Он общий для домашних режимов, но у каждого пользователя есть и личные учётные данные для удалённого управления. Здесь использована именно панель. По журналу нельзя установить, какой человек набрал четыре цифры.

— Откуда панель видна?

— С коридора у кладовой. Её закрывает декоративная крышка. Посторонний, возможно, и не заметит.

Белова представила тёмный коридор. У кладовой стояла тяжёлая бронзовая рыба. Дальше находилась дверь, которая

сама закрывалась, если не подпереть её. Кто-то мог отключить предупреждение, чтобы спокойно выходить на террасу. Кто-то мог сделать это по привычке. И кто-то мог заранее позаботиться, чтобы дверь не выдавала чужие шаги.

Три объяснения. Ни одного имени.

— У кого был код? — спросила она.

— У хозяев дома и экономки. Артём Андреевич сказал, что иногда давал его гостям, если они оставались без персонала. Записи раздачи нет.

— Тогда расспросим каждого отдельно. Сначала без упоминания цифр.

* * *

Артём заявил, что отключил предупреждение ещё вечером, когда гости выходили на террасу после ужина. Услышав точное время, нахмурился.

— В половине третьего? Нет. Я был наверху.

— Вы знаете код панели?

— Разумеется.

— Вы давали его кому-то из гостей?

— Максиму — точно. Он помогал, когда меняли оборудование. Глебу, возможно. Остальные вряд ли им интересовались.

— Зоя Сергеевна говорит, что у неё отдельный код.

— Да. Я хотел знать, кто включает охрану перед уходом. Но внутреннее предупреждение все переключают общим кодом.

Глеб сказал, что не помнит комбинации. При нём однажды отключали датчик из-за сквозняка; он мог запомнить, но не пытался. Максим ответил, что знал код по прошлой работе с домом. Яна призналась, что видела, как Артём набирает его, однако цифр не заметила. Валерия сказала, что никогда не пользовалась панелью.

У каждой истории были ограничения. Никто не расписывался в журнале доступа. Утверждение «я не помню» не равнялось доказательству незнания. Даже если бы один человек признался, что нажал кнопки, это не означало, что он находился возле Инги в минуту травмы.

Но теперь появилась новая последовательность.

В 02:34 предупреждение отключили. В 02:43 Валерия слышала металл и глухой удар. В 02:58 — быстрые шаги наверху. В 03:07 предупреждение включили обратно. В 03:14 обнаружили Ингу.

Белова несколько раз прочитала цифры, а затем зачеркнула стрелку, которую Чистяков нарисовал от первого события к последнему.

— Не соединяй автоматически, — сказала она. — Мы знаем последовательность сигналов, не последовательность поступков одного человека.

— Но кто-то же выключал.

— Да. И он может объяснить зачем. Или соврать. И то и другое придётся проверять.

* * *

Валерия пришла к Яне поздно вечером. Они не договаривались о встрече. Яна открыла дверь в домашних брюках и чужой толстовке. Квартиру на Петроградской стороне она сняла на время работы в Петербурге.

— Максим здесь? — спросила Валерия.

— Нет. И ты прекрасно это знаешь.

Они стояли на пороге, обе уставшие и злые. Потом Яна отступила.

— Заходи. Только не пытайся объяснить мне, что это было любовью и потому я обязана понять.

Валерия прошла на кухню. На столе стояли два бокала, но второй был чистым. Яна увидела её взгляд.

— Я не Глеба ждала. Это после вчерашнего.

— Я пришла не оправдываться.

— Тогда зачем?

— Спросить, что Инга знала о нас.

Яна села. В её лице появилось выражение, которого Валерия прежде не видела: усталое презрение к собственной способности всё скрывать.

— Обо мне с Глебом? Думаю, догадывалась. Она однажды спросила, почему рекламные договоры мы обсуждаем не с бухгалтером, а по ночам. Я ответила, что у нас ненормированный день.

— Про меня и Максима?

— Я знала, что у него кто-то есть. Не знала кто. И не хотела узнавать.

— А Инга?

— Не знаю. Она всё время замечала детали, которые мы считали неважными. Может, и тебя заметила.

Валерия вспомнила спокойное «извини», сказанное Ингой до полуночи. При жизни это была просто неприятная реплика. Теперь они пытались превратить её в посмертное заветное.

— Я слышала шум в два сорок три, — сказала Валерия. — И не вышла. Боялась встретить кого-то, кому придётся объяснять, откуда я иду.

Яна посмотрела на неё долго и без сочувствия.

— Я тоже слышала что-то. Не удар. Как будто дверь потянуло сквозняком. Я подумала, что Глеб опять ходит по дому.

— Во сколько?

— После того, как он ушёл от меня. Примерно в половине третьего. Я не смотрела на часы.

— Почему ты не сказала следователю?

— Сказала сегодня. Не хочу больше угадывать, какие детали важны.

Они замолчали. Несколько лет ходили друг к другу в гости, выбирали подарки, советовали врачей, обсуждали отпуска. Теперь две женщины сидели за кухонным столом и старались не представить, что у каждой есть причина ненавидеть другую.

— Мы могли бы раньше поговорить честно, — произнесла Валерия.

— Могли, — сказала Яна. — Но тогда надо было бы разрушить наши удобные жизни ещё до того, как умерла Инга.

* * *

Среда, 25 ноября. 10:10.

Подробный осмотр бронзовой фигурки занял дольше, чем рассчитывал Чистяков. Он каждый день спрашивал о результатах, словно лаборатория работала быстрее, если ей напоминать, что речь идёт об убийстве.

Наконец специалист сообщил: найденная у лестницы пластинка по размерам и особенностям крепления соответствует месту на основании рыбы. Не исключалось, что когда-то она находилась именно там. На винте были следы деформации, возникшие от механического воздействия. Однако по одному креплению нельзя было установить ни время отделения накладки, ни обстоятельства.

— А кровь? — спросил Чистяков.

— Видимых следов, которые можно было бы сразу связать с погибшей, на поверхности нет. Окончательные исследования продолжаются.

Он положил заключение перед Беловой. Та прочитала каждую оговорку.

— Значит, фигурку переносили и, возможно, роняли, — сказал Чистяков.

— Даже это пока не доказано. Ею могли упереть дверь так, что винт погнулся. Могли повредить раньше. Нам нужен путь предмета и люди, которые к нему прикасались.

— Глеб сказал, не видел её ночью.

— Зоя видела её вечером, Валерия тогда же отодвигала ногой. Кто ещё касался фигурки ночью, мы пока не знаем, не говоря уже о прежнем использовании. Поэтому чужой отпечаток на бронзе сам по себе никого не обвинит.

Белова указала на фотографию места обнаружения тела. За вытянутой рукой Инги начиналась дверь зимнего сада. Если женщина упала с лестницы, то могла тянуться к ней по инерции. Но что, если она пыталась открыть её ещё до падения? Сначала надо было установить направление движения.

— Проведём повторную проверку механизма с тем доводчиком, что стоял в ночь происшествия, — сказала Белова. — И поговорим с человеком, который строил эту лестницу.

* * *

Максим приехал в Репино с чертежами. На бумаге дом выглядел проще, чем в жизни: прямые линии, размеры, номера дверей. Белова попросила показать те участки, которые изменились после сдачи объекта.

— Здесь первоначально был деревянный настил, — сказал он, указывая на зимний сад. — Потом Артём заказал камень. Здесь перенесли дверь на несколько сантиметров. А у нижней ступени сделали подрезку, чтобы створка не задевала край.

— Какие последствия это имело?

— Для прохода — никакие, если всё выполнено по проекту. Но дверь стала тяжелей и доводчик пришлось заменить. Я

предупреждал, что без ограничителя она будет бить по стене.

— Ограничитель — бронзовая фигурка?

— Нет, — ответил Максим. — Я проектировал нормальный настенный ограничитель. Рыбой они начали подпирать дверь позже, потому что ограничитель не удерживал створку в открытом положении.

Белова подняла взгляд.

— А отбойная металлическая пластинка могла находиться на двери?

— Могла. Но ту, что вы нашли, я не видел. По фотографии она похожа на деталь основания фигурки.

— Вы лично проверяли состояние доводчика этой осенью?

— Нет. Последний раз был здесь в сентябре.

Он выглядел готовым объяснять конструкцию часами. Белова остановила его, когда стало ясно, какие сведения можно проверить по чертежам и осмотру.

— Ещё один вопрос. Вы знаете код панели, которая открывает предупреждение о незакрытой двери?

— Знал. Артём дал, когда мы монтировали оборудование.

— Пользовались им ночью в воскресенье?

— Нет.

— Можете подтвердить, где находились с двух тридцати до трёх?

Максим покачал головой.

— Был в комнате с Яной. Потом выходил в ванную. Мы

почти не разговаривали.

— Она подтверждает?

— Лучше спросите её.

Белова посмотрела на него. Супруги уже признались друг другу в изменах. Оттого их новый рассказ мог оказаться правдивее прежнего — или стать совместным способом отгородиться от расследования. Она пока не знала.

* * *

Валерия приехала к дому уже после обеда. Теперь ей нужно было не забирать вещи, а ответить на дополнительные вопросы о расположении дверей. Она долго смотрела на лестницу с того места, где стояла в три четырнадцать.

— Тогда я видела только руку Инги, — сказала она. — Потом туфлю. Или сначала туфлю, потом руку. Даже это уже путается.

— Вы помните, какая дверь была приоткрыта? — спросила Белова.

— Да. Та, между коридором и садом. От неё тянуло холодом.

— С какого направления?

Валерия обернулась. Ей хотелось уверенно показать: вот отсюда. Но теперь две двери казались одинаково возможными источниками сквозняка. Она не стала притворяться.

— Не знаю. Я тогда просто почувствовала холод.

Белова показала ей схему.

— Когда вы спускались по большой лестнице, вы видели

нижнюю часть марша, ведущего из сада на галерею?

— Нет. Его закрывала перегородка. Пока не вошла в коридор, там ничего не было видно.

— А человека, стоящего у хозяйственной ниши под лестницей?

Валерия посмотрела на нишу. С того места, где она обнаружила туфлю, внутренний угол оставался в тени даже днём.

— Наверное, не сразу.

— Не отвечайте «наверное». Подойдите туда, где вы стояли, и скажите только, что видите сейчас.

Валерия встала у двери. Из ниши был виден край складного стула, за которым утром нашли фигурку. Но дальше шла глухая стена. Никакого человека, даже если бы он стоял вплотную к ней, разглядеть было бы нельзя.

— Я не видела бы никого за этим углом, — сказала она.

Белова отметила точку на схеме.

— И Глеба, когда он подошёл, вы слышали прежде, чем увидели?

— Да. Он спросил, что я делаю. Я даже не повернулась.

— С какой стороны он пришёл?

Валерия медленно подняла голову.

Она впервые поняла, что не знает ответа.

Три дня она повторяла: «Пришёл Глеб». Ей хватало его голоса. Она была уверена, что он двигался из коридора, потому что оттуда обычно приходили люди. Но сейчас, стоя возле той же двери, Валерия не могла отличить шаги из го-

стиной от шагов из ниши под лестницей. В доме были камень, стекло и гул вентиляции. Звук отражался от поверхностей, выбирая кратчайшую дорогу только в человеческом воображении.

— Он мог стоять здесь? — тихо спросила она, показывая на нишу.

— Я не прошу вас представить, где он мог стоять. Я спрашиваю, откуда вы его видели.

— Я не видела, откуда он пришёл.

Белова записала эту фразу дословно.

Позже, когда Валерия ушла, она попросила Чистякова проверить первое объяснение Глеба. Тот рассказывал, что шёл к гостиной за водой и услышал женский голос. В следующем разговоре утверждал, что вышел из своей комнаты и прошёл мимо библиотеки. Между двумя маршрутами находилась хозяйственная ниша, у которой утром обнаружили бронзовую фигурку.

— Это доказательство? — спросил Чистяков.

— Это вопрос, — ответила Белова. — И теперь мы знаем, как его задать.

Вечером Белова снова разложила на столе шесть листов — так же, как в первое утро после смерти Инги. Теперь на каждом было значительно больше записей, но свободные строки никуда не исчезли.

У Валерии имелось подтверждённое время переписки с Максимом, однако после его ухода никто не мог установить,

когда именно она уснула. Яна помнила разговор с Глебом в половине третьего, но не знала, куда он направился. Максим признавал, что покидал комнату, однако его жена не подтверждала каждую минуту. Артём говорил о ноутбуке и бессоннице. Глеб каждый раз описывал дорогу из комнаты к зимнему саду немного иначе.

Рядом с именем Инги находилось всего несколько проверяемых событий: письмо в 01:26, неотправленное сообщение Валерии, оставленный на зарядке телефон. Последний человек, видевший её живой, ещё не был установлен.

Белова взяла отдельный лист и записала три вопроса.

«Кто отключил предупреждение в 02:34?»

«Кто перенёс бронзовую фигурку из коридора в нишу?»

«Откуда Глеб подошёл к Валерии в 03:14?»

Три вопроса выглядели связанными только потому, что речь шла об одном доме. Она провела между ними черту, потом передумала и стёрла. Две из этих загадок могли иметь совершенно бытовые объяснения. Третья могла оказаться ошибкой свидетеля, который не оборачивался к говорившему. Но если кто-то действительно скрывал собственный путь по дому, ответ на любой вопрос менял значение остальных.

Чистяков заглянул в кабинет перед уходом.

— Завтра вызовем Глеба ещё раз?

— Да. И сначала дадим ему самому нарисовать маршрут. Без нашей схемы. Затем сверим с тем, что он говорил раньше.

— А если он всё время будет путаться?

— Тогда выясним, почему. Изменение показаний — повод проверять, а не повод сразу написать обвинение.

После его ухода Белова ещё некоторое время сидела над рисунками. На карте красивого дома не было спален с чужими любовниками и разговоров, которых стыдились. Были только стены, проходы и лестницы. Люди принесли в них всё остальное сами.

Она посмотрела на схему лестницы. Вверху страницы стояло название, которое Максим оставил ещё на проектном чертеже: «Галерея. Марш 13 ступеней».

Тринадцать ступеней. Одна приоткрытая дверь. Пятеро людей, которые всю ночь говорили лишь часть правды.

И шестой человек, чей голос никто уже не мог услышать.

* * *

Четверг, 26 ноября. 09:35.

Глеб Ордынцев нарисовал коридор не с той стороны.

Белова подала ему чистый лист и попросила отметить спальню, лестницу, библиотеку, кухню и зимний сад. Он начал с парадного входа, хотя в ночь смерти жены несколько раз утверждал, что выходил из своей комнаты. Дом он знал много лет, но теперь долго выбирал, где поставить дверной проём.

— Я не архитектор, — сказал он.

— От вас и не требуется чертёж. Покажите, как шли.

Он обозначил библиотеку квадратом, провёл короткую

линию до коридора и поставил крестик у двери кладовой.

— Здесь я останавливался.

— Зачем?

— Думал, не вернуться ли к себе.

— А почему не вернулись?

— Услышал голоса. Не хотел снова разговаривать о сделке.

Белова знала, как звучат подобные объяснения. Они могли быть правдой. Могли быть попыткой замаскировать точное действие бесформенным чувством: не хотел, боялся, передумал.

— Чьи голоса?

— Женский. Может быть, Яна. Мужской не разобрал.

— В котором часу?

— Ближе к трём.

— В прошлый раз вы сказали, что после половины третьего ходили в библиотеку и пробыли там пять или десять минут. А теперь добавляете остановку возле кладовой.

— Я не скрывал её специально.

— Тогда почему раньше не упоминали?

Глеб поднял глаза. Лицо у него было сероватым, борода отросла неровно. В доме он выглядел человеком, который привык ставить точку в любом споре. Здесь точку ставили другие.

— Потому что тогда мне казалось, что Инга упала. Потом вы начали спрашивать, не ударили ли её чем-то тяжёлым. Я

подумал, что любое моё движение превратится в доказательство.

— Вы видели бронзовую фигурку возле кладовой?

Он перестал двигать карандаш.

— Да.

— В какое время?

— Когда проходил. Я не смотрел на часы.

— Где она стояла?

Глеб поставил ещё один крестик. Не в хозяйственной нише под лестницей, где её обнаружили при осмотре, а в коридоре, рядом с дверью кладовой.

— И вы её не трогали?

— Не трогал.

— Почему раньше говорили, что не видели?

Глеб смотрел на крестик, будто от него теперь можно было отойти, оставив рисунок отвечать самому.

— Не знаю. Испугался, наверное.

— Чего?

— Что вы спросите, почему я вообще оказался там.

Белова положила рядом фотографию коридора. На ней у стены виднелся складной стул, за которым позднее обнаружили бронзовую рыбу. На первом снимке осмотра фигурка лежала под углом; её хвост касался ножки стула. Если Глеб действительно видел её в другом месте, кто-то перенёс предмет после этого. Или он неверно помнил расположение.

— Вы можете показать, с какого расстояния смотрели?

Глеб повёл карандашом, остановился и перечеркнул линию.

— Я был здесь. Или чуть ближе.

— Подойдём к этому месту ещё раз. Пока не надо подготавливать память под фотографию.

Он неожиданно рассердился.

— Вы всё время так говорите, будто мы соревнуемся, кто лучше помнит собственный дом. Вы не жили там. Вы не видели Ингу каждый день. Я видел. Вы понимаете, что от неё осталось? Сумка, телефон, документы, которые вы разбираете по папкам. А я даже не могу вспомнить, в какой момент сказал ей последнее нормальное слово.

Белова дала ему договорить.

— Каким оно было?

Глеб долго молчал.

— В пятницу я спросил, купила ли она билеты на декабрь. Мы собирались в Вену. Она сказала, что пока не решила. Я обиделся. Не из-за поездки. Мне показалось, что она уже живёт так, будто меня нет.

Он потёр ладони.

— А в субботу я сказал ей, что она испортила всем вечер. Вот это вы можете записать совершенно точно.

Белова записала.

* * *

После разговора Чистяков принёс сведения о старых черновиках договора. Глеб ранее утверждал, что ночью пря-

тал папку в библиотеке. На одной из копий находилась его рукописная отметка: «Согласовать личное обеспечение до 23.11». Это не было обязательством компании. Речь могла идти о его собственных деньгах.

— Он боится потерять не только проект, — сказал Чистяков.

— Спросим о личном обеспечении отдельно. Не смешивай две истории только потому, что они принадлежат одному человеку.

— Он уже признал, что соврал о маршруте.

— Он признал, что пропустил остановку у кладовой. Возможно, соврал. Возможно, восстановил её после наших вопросов. Мы должны уметь отличать эти варианты.

Чистяков сел напротив.

— Скажи, а тебе никогда не кажется, что мы спрашиваем неправильно? Все признались в изменах, и после каждого признания словно становятся немного честнее. Но тело Инги от этого не переезжает на другую ступень.

Белова посмотрела на шесть листов с именами.

— Мне кажется, мы слишком долго спрашивали, с кем человек был. Пора выяснить, к кому он собирался.

На листе Инги по-прежнему зиял промежуток после того, как она оставила телефон в комнате. На листах остальных — минуты, о которых не желали рассказывать даже после признания в самых унижительных вещах.

Глеб мог оказаться рядом с лестницей случайно. Мог

пройти мимо тела в темноте. Мог принести туда фигурку. Чтобы исключить хотя бы одно из этих объяснений, требовалось не ещё одно раскаяние, а проверяемая деталь.

Белова отправила запрос о том, что именно Глеб называл личным обеспечением. Потом вернулась к его рисунку.

Крестик возле кладовой был поставлен уверенным движением. Линию от него к зимнему саду он так и не провёл.

Глава 7. Цена подписи

Четверг, 26 ноября. 15:10.

Валерия снимала картины со стены при дневном свете. Вечером сделать это было бы легче: оставались бы только контуры, которые не жалко терять. Днём за каждой рамой обнаруживался прямоугольник стены, сохранивший прежний цвет. Получалось, дом хранил то, что исчезло, добросовестнее его хозяев.

Она решила пожить в квартире подруги в Петербурге. Подруга уехала к дочери за границу и оставила ключи, предложив остаться сколько понадобится. Артём назвал это демонстрацией.

— Ты могла просто сказать, что хочешь отдохнуть, — произнёс он, стоя в дверях гостиной.

— Я сказала.

— Ты собираешь произведения так, будто мы разводимся.

— Я собираю свои произведения.

Он посмотрел на небольшое полотно у окна. Синяя поверхность, тонкая золотистая линия, больше ничего. Валерия купила его на выставке, ещё до знакомства с Артёмом. Тогда картина стоила две её зарплаты. Позже она могла позволить себе картины дороже, но эта была первой, за которую заплатила без совета другого человека.

— Оно висело здесь все эти годы, — сказал Артём.

— И что?

— Я думал, оно общее.

Валерия опустила руки.

— Ты так говоришь обо всём, что не замечаешь. Если вещь долго висит в твоём доме, она становится твоей.

— А ты хочешь, чтобы я заметил, как ты встречалась с Максимом?

Она впервые не отвела глаз.

— Я хочу, чтобы ты перестал спрашивать об этом вместо разговора о себе и Инге.

Артём подошёл к камину. Он не выглядел человеком, готовым кричать; оттого Валерии стало неприятнее. Со злым мужем было проще. Его можно было обвинить в жестокости. Растерянного она ещё помнила, когда-то любила, пыталась обнимать.

— Я не знал, что она решится отправить документы, — сказал он.

— Я не об этом.

— А о чём? Инги больше нет. Я не могу с ней поговорить. Я не могу объяснить, почему всё получилось так.

— Тогда скажи хотя бы мне. Ты собирался уйти ко мне и признаться?

Он молчал.

— Ты ей обещал развод? — спросила Валерия.

— Мы обсуждали, как жить дальше.

— Значит, обещал.

— Я не произнёс этого слова.

Она устало рассмеялась.

— Ты и на переговорах так делаешь. Не произносишь слово, которое от тебя ждут, а потом говоришь, что обязательства не было.

Он посмотрел на неё с болью, которая могла быть искренней.

— А ты с Максимом что обещала?

— Ничего.

— Как удобно.

— Да. Очень удобно. Поэтому я и ухожу.

Только теперь он заметил коробки.

— Это всё?

— На сегодня.

Артём долго стоял у стены, на которой светлел снятый прямоугольник. Потом отступил, пропуская её к двери.

* * *

В машине Валерия обнаружила в сумке носовой платок. Белый, с вышитой синей буквой «И». Инга однажды одолжила его за ужином, когда Валерия пролила вино на рукав. Валерия обещала вернуть и забыла. Теперь ткань пахла обычным порошком.

Она подумала позвонить Беловой и рассказать про платок. Потом представила, как следователь спрашивает, где он хранился, когда в последний раз его стирали, почему она не сообщила раньше. Сколько унижения способен выдержать

человек, если начать считать не преступления, а бытовые недомолвки?

Она всё-таки позвонила.

— Я нашла у себя вещь Инги, — сказала она. — Старую. Не из той ночи. Наверное, вам это не нужно, но я хотела сказать.

Белова спросила, что за вещь, выслушала и ответила:

— Благодарю. Сохраните пока и не пытайтесь приписать ей значение только из-за случившегося. Если понадобится, свяжемся.

— Можно спросить?

— Конечно.

— У вас уже есть подозреваемый?

— Есть обстоятельства, которые проверяем. Обвинять человека по телефону я не стану.

— Я не прошу обвинять.

— Тогда скажите, чего хотите.

Валерия не сразу нашла слова.

— Чтобы вы нашли того, кому она успела поверить. В последние часы. Мне кажется, это важнее, чем все наши измены.

Белова помолчала.

— Это может оказаться важным. Спасибо, что сказали.

* * *

Максим позвонил вечером. Валерия ответила лишь с третьего раза.

— Я слышал, ты уехала из «Белой сосны».

— Тебе Артём сказал?

— Нет. Я привёз ему чертежи, увидел пустую стену в гостиной. Догадался.

— Ты хороший архитектор. По одной стене определяешь, где хозяева перестали друг друга понимать.

— Лера, я не хочу больше говорить с тобой украдкой.

Она облокотилась о подоконник чужой квартиры. За стеклом проезжал трамвай. Ни леса, ни дорогого сада, ни чужого мужа за стеной. Обычная городская жизнь, которую можно было бы начать завтра, если бы двенадцать лет брака и одна смерть помещались в коробку с картинами.

— Ты думаешь, нам достаточно признаться, чтобы стать честными? — спросила она.

— Нет. Но когда мы молчим, мы точно не станем.

Его голос был спокойным. Раньше Валерия легко перепутала бы спокойствие с надёжностью.

— Что ты делал между двумя сорока и тремя? — спросила она.

Максим не ответил сразу.

— Я рассказывал Беловой.

— Я спрашиваю тебя.

— Я выходил из спальни. Не к Инге.

— К кому?

— Ни к кому. И я понимаю, как это звучит.

— Плохо.

— Знаю.

Он предложил встретиться утром. Валерия сказала, что подумает. Когда закончился разговор, она ещё долго смотрела на платок с вышитой буквой.

Инга иногда бывала неприятно прямой. Она задавала вопрос и выдерживала паузу, не спасая собеседника от собственного ответа. Валерия ненавидела эту привычку.

Теперь она пыталась научиться ей сама.

* * *

Пятница, 27 ноября. 10:05.

В агентстве Яны пахло свежей краской. Рабочие перекрашивали переговорную, хотя ремонт не был запланирован. Директор по клиентскому сервису объяснила, что краску согласовали ещё месяц назад. Яна не стала спрашивать, почему именно сегодня; люди продолжали работать, пока руководительница пыталась понять, какая часть её собственной работы была фикцией.

Она позвала главного бухгалтера Ольгу Миронову. Та принесла две одинаковые папки. Одну положила перед Яной, вторую оставила у себя.

— Копии для независимого специалиста, — сказала она.

— Я не просила.

— Я знаю. Но потом вы можете попросить, а оригиналы уже будут изъяты или утеряны. Пусть существует второй комплект с отметкой, откуда что взято.

Яна впервые за неделю улыбнулась.

— У вас всегда такой оптимизм?

— Это не оптимизм, Яна Сергеевна. Это бухгалтерия.

На таблице платежей март выглядел почти безобидно. Агентство получило деньги за продвижение «Мыса», оплатило съёмки, аренду площадок, транспорт и работу подрядчиков. Затем начались повторяющиеся позиции: консультационное сопровождение, расширенный медийный пакет, дополнительное продюсирование. Названия становились длиннее, подтверждающих материалов — меньше.

— Эти четыре миллиона с небольшим, о которых говорит Глеб, — сказала Яна. — Куда они ушли?

— В несколько мест. Часть осталась в обороте агентства. Часть мы перевели подрядчику «Балтпроект Сервис». Акты пришли через Глеба. Вы подписали поручение на оплату.

— Я помню, что подписала. Я спрашиваю, что они делали.

— Из документов — техническое сопровождение презентаций. Из материалов, которые нам предоставили, этого установить нельзя.

Яна провела ногтем по строке платежа.

— Они могли вообще ничего не делать?

— Могли. Но могли работать на другом объекте. Тогда вопрос, почему всё провели через наш контракт. Нужно получать их первичную документацию, не угадывать.

— Кто владелец?

— В выписке один директор, учредитель другой. Связь с Артёмом или Глебом только по фамилиям не определяется.

Я запросила сведения через юристов, но они ещё не готовы.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что вы не сказали «всё пропало».

Бухгалтер закрыла папку.

— Всё пропадает, когда люди начинают уничтожать документы. Пока они есть, можно разобраться хотя бы в том, что подписано.

* * *

Яна передала адвокату копии переписки с Глебом и своё объяснение того, почему согласилась на сомнительные акты. Долго выбирала, как назвать происходившее. Обман? Содействие? Попытка спасти компанию? Ни одна формулировка не делала прошлое приятным.

— Не придумывайте оправдание, — посоветовал адвокат.

— Установите события. Что вы получили, что знали, на основании чего действовали. Квалификацией займутся компетентные лица.

— Я могу потерять агентство.

— Да.

— И репутацию.

— Да.

— Вы совершенно не умеете утешать.

— Вы наняли меня не для этого.

Он был первым человеком за несколько дней, который говорил так без злости и без просьбы что-то скрыть.

После встречи Яна поехала к Неве. Дождь почти прекратился. На мосту стоял мужчина с ребёнком; девочка требовала дать ей подержать бумажный стакан с кофе. Яна отвернулась. Она вдруг обнаружила, что последние несколько лет видела собственную жизнь исключительно через то, что можно потерять: клиентов, деньги, мужа, любовника, социальное положение. Она не помнила, когда в последний раз задавала вопрос о том, что ей нравится.

Телефон зазвонил. Глеб.

Она не ответила.

Он позвонил снова. Затем прислал сообщение: «Ты выставляешь меня убийцей».

Яна прочла его трижды. Не «ты разрушаешь сделку». Не «ты рассказала про нас». Именно «убийцей».

Она набрала: «Я рассказала, где мы были. Остальное установят без меня».

Ответ появился почти сразу: «Ты не понимаешь, к чему это приведёт».

Она вспомнила, как ночью Инга спрашивала оригиналы мартовских отчётов. Яна могла рассказать ей правду ещё тогда. Могла встретиться с ней в коридоре и объяснить, почему документы не сходятся. Вместо этого пошла разговаривать с её мужем.

Она открыла чат с Ингой. Последнее сообщение осталось без ответа, потому что отвечать уже было некому. Яна всё равно написала:

«Я должна была сказать тебе раньше».

Отправить его она не смогла. Телефон предложил доставить сообщение, как будто адресат просто находился вне сети.

Яна удалила набранные слова. Не потому, что передумала. Потому что позднее раскаяние не должно притворяться разговором.

* * *

В тот же день Чистяков получил официально оформленные копии документов по рекламным подрядчикам. Белова обратила внимание не на общую сумму, а на одно приложение. В нём предусматривалась дополнительная оплата за мероприятие в отеле, который ещё не открылся.

— Может быть, подготовка открытия, — предположил Чистяков.

— Может. Посмотрим договор, дату и фактическую услугу.

— Смешно, что мы снова разбираем рекламу, когда у нас есть женщина с разбитой головой.

— Она сама разбирала эти документы перед смертью, — сказала Белова. — Если мы поймём, что ей угрожало, будет легче установить, с кем она хотела встретиться ночью.

На полях акта значилось: «Приложение 4. Уточнить право требования». Точно такую формулировку Инга выделила в письме Оксане Платоновой.

Белова попросила принести исходную версию приложе-

ния, не ту, которую исправили перед сделкой. Оказалось, её всё ещё не предоставили.

* * *

Пятница, 27 ноября. 16:25.

Зоя Сергеевна по телефону попросила следователя не приезжать к ней домой. Сказала, что у соседей слишком хороший слух. Потом сама приехала в управление с термосом и пакетом сухарей.

— Вы все питаетесь как люди, которым это не нужно, — сообщила она Чистякову. — Вот возьмите.

Он взял один сухарь. Белова дождалась, пока экономка устроится, и спросила о доме до приезда гостей.

— Вы сказали, рыба царапала пол. Как давно?

— С тех пор, как Артём Андреевич придумал ею дверь подпирать. Настоящий ограничитель стоял, но дверь всё равно закрывалась. Мужчины это называли дизайнерским решением. А пол потом мне мыть.

— У фигурки были мягкие накладки снизу?

— Две. Из синего войлока. Я сама приклеивала. Одна оторвалась ещё летом, другую пыталась заменить. Удалось плохо. Поэтому пластинка разболталась.

Белова подняла голову.

— Какая пластинка?

— Под основанием. Не знаю, как называется. Небольшая металлическая. Я летом просила купить нормальный упор. Никто не купил.

— В прошлый раз вы говорили, что не знаете, была ли пластинка на месте вечером.

— И сейчас не знаю. Я сказала, что раньше она болталась. Вы меня про вчера спрашивали — вчера я фигурку снизу не смотрела.

Белова записала эту оговорку. Разница была существенной: ослабленное крепление объясняло, как металлическая деталь могла отделиться без удара по человеку.

— Когда вы в последний раз видели Ингу живой? — спросила она.

— Перед своим отъездом. Она стояла у стола с карточками. Сказала не убирать их.

— Вы рассказывали. Но почему она попросила?

— Я спросила. Она сказала: «Хочу вспомнить, кто где сидел, когда мы об этом говорили». Я подумала, речь про договор. Они всегда так: сначала пьют вино, потом считают доли.

— Она упоминала кого-нибудь отдельно?

Зоя Сергеевна опустила крышку термоса.

— Максима. Спросила, где он сидел в начале ужина, когда Артём рассказывал про подписание. Я ответила, что у окна, ближе к камину. Она сказала «спасибо».

— Вы не рассказывали об этом в первый раз.

— Вы спросили про карточки. Я ответила про карточки. Теперь спрашиваете про слова. Вот вам слова. — Экономка посмотрела на следователя без вызова. — Я не скрываю. Я просто не знала, что вам требуется весь разговор по слогам.

Белова кивнула. Иногда полезнее признать неточность вопроса, чем добиваться от свидетеля чувства вины.

— Зоя Сергеевна, вы знали, что Инга и Артём были близки?

Экономка сжала губы.

— Я в чужие спальни не заглядываю.

— Я спрашиваю, замечали ли что-нибудь.

— Замечала. Она после работы иногда оставалась на чай. Валерия Михайловна в городе. Артём Андреевич просил не готовить ужин на троих. Я не спрашивала, кто уезжает позже.

— Вы обсуждали это с кем-нибудь?

— С сыном — нет. С соседями — тем более. Что мне обсуждать? Люди взрослые. У меня работа.

— А с Валерией?

— Нет. Я не обязана делать несчастной хозяйку дома только потому, что знаю, как здесь ставят чашки.

За последней фразой Белова услышала больше, чем желание сохранить место. Экономка жила рядом с этой семьёй восемь лет. У неё накопилось собственное представление о том, какие истины помогают людям, а какие только разрушают то, что ещё можно сохранить.

— Вы не виноваты, что Инга погибла, — сказала Белова.

— Я и не говорила, что виновата.

Но термос она закрыла слишком резко.

* * *

Чистяков проводил её до выхода. Уже у двери Зоя Серге-

евна остановилась.

— Я вам ещё одну вещь не сказала. Может, глупость.

— Скажите.

— В пятницу я меняла лампочку возле зимнего сада. Взяла маленькую стремянку, поставила у служебной двери. Артём Андреевич тогда сказал, что в субботу гостей будет шестеро и всё должно выглядеть идеально. А потом попросил убрать кресло с верхней галереи.

— Какое кресло?

— Плетёное. Оно там стояло всё лето. Он сказал, мешает проходу. Я унесла в кладовую. Инга Андреевна об этом спрашивала вечером, когда пришла.

— Зачем?

— Хотела посидеть наверху с чашкой чая. Удивилась, что кресла нет.

— Вы знаете, кто-нибудь потом ставил его обратно?

— Не знаю. Я уехала в десять пятнадцать. Вчера вы это уже записали.

Когда экономка ушла, Чистяков вернулся к Беловой.

— Кресло, рыба, карточки. Всё теперь кажется знаком.

— Пока это вещи, — ответила она. — Но мы впервые знаем, что Инга собиралась подняться на галерею не обязательно из-за ссоры. Она хотела там сидеть. Это надо проверить.

Белова подняла фотографии зимнего сада. Плетёного кресла на них не было.

Если Инга искала его после полуночи, то могла подняться

сама. Если не искала — они всего лишь восстановили обычный хозяйственный разговор. Но оба варианта были лучше готовой истории, в которой женщина обязательно шла навстречу убийце.

Глава 8. Две минуты тишины

Суббота, 28 ноября. 11:30.

Максим считал, что хуже всего в профессии архитектора выглядят дома, которые построили почти по проекту. Исправленный заказчиком фасад ещё можно узнать. А вот лестница, ширину которой уменьшили на несколько сантиметров, уже не похожа ни на первоначальный чертёж, ни на то, что описывают рабочие.

На столе в его студии лежали три комплекта документации «Белой сосны». Первый — утверждённый. Второй — с авторскими замечаниями к отделке. Третий прислал подрядчик уже после завершения работ: фотографии узлов, сделанные в конце зимы. Максим не открывал эту папку почти год.

Теперь смотрел на фотографию верхней галереи.

На снимке возле окна стояло плетёное кресло. То самое, которое Зоя убрала перед приездом гостей. От кресла до начала марша оставалось достаточно места, чтобы пройти вдвоём, не касаясь перил. Сама тринадцатая ступень выходила к узкому повороту, где один человек мог незаметно перекрыть другому путь.

Максим увеличил изображение.

Когда Артём менял покрытие ступеней, он велел заменить декоративные накладки на металлических стойках. В заявке значилось: «Без изменения геометрии ограждения». Но

на фотографии угол крепления одной стойки отличался от утверждённого. Не настолько, чтобы бросаться в глаза гостям. Достаточно, чтобы изменился зазор между поручнем и стеной.

В обычный день Максим отправил бы заказчику письмо о несоответствии и забыл до следующего ремонта. Теперь он вспомнил, как Инга на ужине спросила, кому принадлежит авторство изменений. Он ответил, что после сдачи объекта не отвечает за мебель и материалы. Она сказала: «Иногда люди так защищаются от гораздо более серьёзных вопросов».

Тогда он счёл это замечание частью её спора с Артёмом. Он позвонил Беловой.

— Нашёл отклонение от проекта, — сказал он. — Оно может иметь значение для движения на галерее. Я не берусь утверждать, что повлияло на падение.

— Пришлите материалы с указанием источника. И, пожалуйста, не делайте самостоятельных замеров на месте.

— Я не собирался.

— Хорошо.

— Вы думаете, я пытаюсь доказать, что Инга упала сама?

— А вы пытаетесь?

Он посмотрел на фотографию.

— Наверное, часть меня хочет, чтобы так оказалось.

— Это человеческое желание. Но на нём не построить заключение.

Максим закрыл папку. В разговоре с Беловой не было

привычного облегчения оттого, что он сообщил полезную деталь. Каждая проверка делала дом менее знакомым и всё больше похожим на место, которое люди специально устроили так, чтобы никто не видел другого полностью.

* * *

Вечером Яна приехала к нему в мастерскую. Они договорились обсудить вещи, оставшиеся в общей московской квартире, и поездку домой. Но оба понимали, что это удобное название для разговора, который давно должен был состояться.

Она вошла, не снимая пальто. На мокрых волосах блестели капли дождя.

— Ты сегодня был у Беловой? — спросила она.

— Созванивался с Беловой.

— Знаешь, что я узнала про Глеба?

— Если это касается следствия, лучше сказать ей самой.

— Это касается нас.

Яна прошла вдоль стола с чертежами. Между ними лежало столько бумаги, что прикоснуться друг к другу, даже захотев, было бы непросто.

— Я любила его, — сказала она. — Не просто встречалась. Я решила, что наконец нашла человека, которому нужна целиком. Не половина моей жизни, не красивое агентство, не жена при архитекторе. Я сама.

Максим не отвёл взгляд.

— И когда поняла, что ошиблась?

— Не сразу. Пожалуй, когда он начал говорить о моих подписях чаще, чем обо мне.

— Он тебя заставлял?

— Нет. Он убеждал. А я выбирала верить. У меня была возможность сказать нет. Я не сказала.

Она села на край низкого дивана.

— А ты и Валерия?

Максим долго смотрел на план дома.

— Всё началось раньше, чем мне удобно признать. Восемь месяцев назад. Я каждый раз собирался поговорить с тобой и каждый раз находил причину подождать.

— Ты её любишь?

— Да.

Ответ получился тихим. Яна кивнула. На секунду её лицо дёрнулось, словно она хотела произнести резкое слово, но потом передумала.

— Я всё время надеялась, что ты просто развлекаешься, — призналась она. — Что это можно будет пережить, не называя настоящим. А теперь не знаю, чего хочу больше: чтобы у тебя всё получилось или чтобы ты наконец почувствовал то, что чувствую я.

— Мне жаль.

— Не надо жалеть меня, Максим. И не надо превращать нашу историю в конкурс, кто первым соврал.

Они посидели молча. Дождь барабанил по металлическому подоконнику. Когда-то они выбрали этот офис вме-

сте. Яна придумала логотип, Максим набросал расположение светильников, а первую годовщину открытия отметили пиццей на полу. Если закрыть глаза, можно было почти увидеть тех двух людей. Но рядом сидели уже другие.

— Я сегодня кое-что вспомнил, — сказал Максим. — О той ночи. Не уверен, что правильно.

— Что?

— После того как ты уснула, я вышел из комнаты. Мне показалось, что дверь на галерею открыта. Из-под неё тянуло холодом.

— Ты не говорил мне.

— Я тогда вернулся. Решил, кто-то вышел подышать. До утра это было совершенно обычной вещью.

— Который час?

— У меня на телефоне остался звонок, который я так и не сделал. Черновик набора. Я хотел позвонить Валерии. Потом увидел время — 02:51 — и убрал телефон.

Яна медленно подняла голову.

— Ты собирался звонить ей, когда лежал рядом со мной?

— Да.

— Спасибо, — сказала она с горечью. — Теперь хотя бы я знаю, насколько далеко мы уже ушли друг от друга.

Он не стал оправдываться.

— Ты дошёл до галереи? — спросила Яна через некоторое время.

— Нет. Я остался у дверей коридора. Ничего не видел,

только почувствовал холод.

— Ты слышал удар?

— Нет. Если это было в два сорок три, я, вероятно, ещё находился в комнате.

— Ты можешь подтвердить, что действительно вышел в два пятьдесят один?

— Могу подтвердить, что открыл телефон. Это не одно и то же.

Яна смотрела на него внимательно. Он впервые за много лет не пытался сделать собственный ответ красивее.

— Скажи Беловой, — попросила она.

— Скажу.

Когда она уходила, Максим вышел проводить её на лестницу. Он хотел обнять жену на прощание, но увидел, как она крепче сжала ремень сумки, и остановился.

Впервые между ними существовала дистанция, которую оба уважали.

* * *

Воскресенье, 29 ноября. 08:50.

Белова не любила повторных осмотров, когда ими пытались заменить отсутствующее доказательство. Если в первый раз не удалось понять, кто оставил след, второе посещение комнаты не делало след разговорчивее. Но в «Белой сосне» оставался вопрос, который можно было проверить: откуда был слышен звон в два сорок три и мог ли он возникнуть без падения человека.

Эксперимент согласовали заранее. Тело давно увезли, первоначальные следы зафиксировали и изъяли, а помещение после завершения необходимых мероприятий оставалось под контролем собственника. Специалисты работали с отдельными предметами сходной массы, не используя саму бронзовую фигурку.

На верхнем этаже расставили несколько звукозаписывающих устройств. В гостевой спальне Валерии закрыли окно. На кресло положили толстую мужскую куртку, чтобы предметы выглядели приблизительно так, как в ночь происшествия. Никто не утверждал, что обстановка полностью совпадает: за неделю изменились влажность, ветер и даже положение некоторых вещей.

— Начнём без людей на лестнице, — сказал специалист.

У двери зимнего сада он осторожно отпустил тяжёлую створку. Доводчик вернул её на место; раздался ровный глухой хлопок. На втором этаже он звучал значительно слабее, чем ожидал Чистяков.

Затем на плитку уронили металлическую деталь, сходную по размерам с накладкой основания рыбы. Получился короткий резкий звук, почти без эха.

Наконец специалист поставил на мягкую подкладку груз, соответствующий массе фигурки, и осторожно переместил его так, чтобы он ударился о пол. Звук был громче, но не таким звонким.

— На что похоже? — спросил Чистяков.

— Ни на что нельзя отвечать до сравнения записей, — сказал специалист. — И даже после сравнения мы установим диапазон возможных источников, не единственный предмет.

Белова поднялась в гостевую спальню. Она встала там, где Валерия обнаружила себя в момент звука, и посмотрела на дверной проём. По словам свидетельницы, сначала звякнул металл, затем последовал удар. При некоторых вариантах опыта порядок воспринимался иначе: низкий шум от доводчика казался первым, металлическая вибрация — вторым.

Восприятие зависело от того, в какую секунду человек начинал прислушиваться.

На лестнице следователя встретил Максим. Он приехал по согласованию показать фотографии конструкций, но в самом эксперименте не участвовал.

— Вы нашли, из-за чего всё произошло? — спросил он.

— Пока нет. Вы говорили о холоде у двери. Где находились, когда его почувствовали?

Он показал участок коридора.

— Вот здесь.

— Вы подходили к панели управления?

— Нет.

— Видели, кто отключал предупреждение?

— Нет.

— Когда узнали, что его отключали в половине третьего?

— От вас. В тот день, когда меня спрашивали о коде.

Белова попросила его повторить маршрут без схемы и

уточнила время черновика звонка. Он сообщил про телефон, который хотел набрать в 02:51. Осмотр устройства и объяснения ещё предстояло оформить, и Белова не стала записывать этот час как установленное время нахождения Максима у двери.

— Вы понимали, что дверь могла оставаться приоткрытой из-за отключённого предупреждения? — спросила она.

— Не тогда. В ту ночь я вообще не вспоминал о датчике.

— А бронзовая рыба?

— Она всегда где-нибудь валялась. Я не искал её.

— Вы видели Ингу после двух?

— Нет.

Белова присмотрелась к нему. Максим отвечал без задержек. Так иногда говорили люди, которых давно мучил один и тот же вопрос и которые отрепетировали все возможные ответы. А иногда — люди, наконец переставшие притворяться.

* * *

После эксперимента Чистяков принёс выписку с телефонного соединения. В 03:16:42 с номера Глеба Ордынцева начался разговор с экстренной службой. В более раннем объяснении Валерия упоминала часы над дверью, показывавшие 03:16, и путаницу с адресом. Теперь порядок можно было проверить независимо от её памяти.

— Он не тянул со звонком, — сказал Чистяков.

— После того как Валерия потребовала вызвать скорую, не тянул. Это важно. Но не говорит, что было до её появле-

ния.

— Если человек хотел убить жену, почему оставался рядом с телом?

— Возможно, не хотел. Возможно, не знал, что она лежит там. Возможно, вообще не причинял ей вреда. Не выбирай версию за отсутствующие сведения.

Чистяков устало выдохнул.

— Есть хоть что-нибудь, что мы скоро сможем сказать определённо?

— Да. Металлический звон сам по себе не показывает, что ударили Ингу. И пока мы не установили, где находилась бронзовая рыба между двумя и тремя, даже её повреждение не связывает событие с человеком.

Белова посмотрела на результаты опыта. Один короткий звук мог стать в памяти свидетеля началом преступления только потому, что спустя полчаса она увидела погибшую.

Она вспомнила вопрос, заданный когда-то родственником по другому делу: «Почему вы всё время сомневаетесь?» Тогда она не сумела ответить так, чтобы человек не решил, будто следствию всё равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.